

Young Adult. Ведьмы Тихого Ручья

Айла Дейд

**Ведьмы Тихого Ручья.
Колдовской сезон**

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

Дейд А.

Ведьмы Тихого Ручья. Колдовской сезон / А. Дейд — «Эксмо»,
2022 — (Young Adult. Ведьмы Тихого Ручья)

ISBN 978-5-04-186738-6

Мы дети ведьм, которых они не смогли сжечь. После загадочной смерти родителей Хелена переезжает на родину своей матери – в таинственный городок Тихий Ручей на побережье Шотландии. Дни там короче, воздух влажный, а пелена тумана окутывает город. Это значит лишь одно – колдовской сезон открыт. В Тихом Ручье господствуют темные силы, магию которых Хелена особенно сильно ощущает в своем привлекательном сокурснике – Тираэле. Однако именно Тираэл окажется тем, кто спасет ей жизнь в переломный момент. В попытках докопаться до истины девушка понимает, что этот город хранит куда больше тайн, а его обитателями оказываются не только смертные. Но самое худшее, что темные силы, угрожающие жителям, пробуждаются внутри Хелены. И этого уже не остановить.

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-186738-6

© Дейд А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Хелена	9
Хелена	12
Тираэль	19
Хелена	24
Хелена	26
Тираэль	39
Эмилль	45
Дидре	51
Хелена	56
Тираэль	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Айла Дейд

Ведьмы Тихого Ручья. Колдовской сезон

Ayla Dade

THE WITCHES OF SILENT CREEK: UNENDLICHE MACHT

© 2022 by CARLSEN Verlag GmbH, Hamburg, Germany

First published in Germany under the title

THE WITCHES OF SILENT CREEK: UNENDLICHE MACHT

All rights reserved

© Viktoria Bühling – Covered in Colours and formlabor for the cover design stock.adobe.com /

© ZinetronN / © rawpixel

© Колина А., перевод на русский язык, 2023

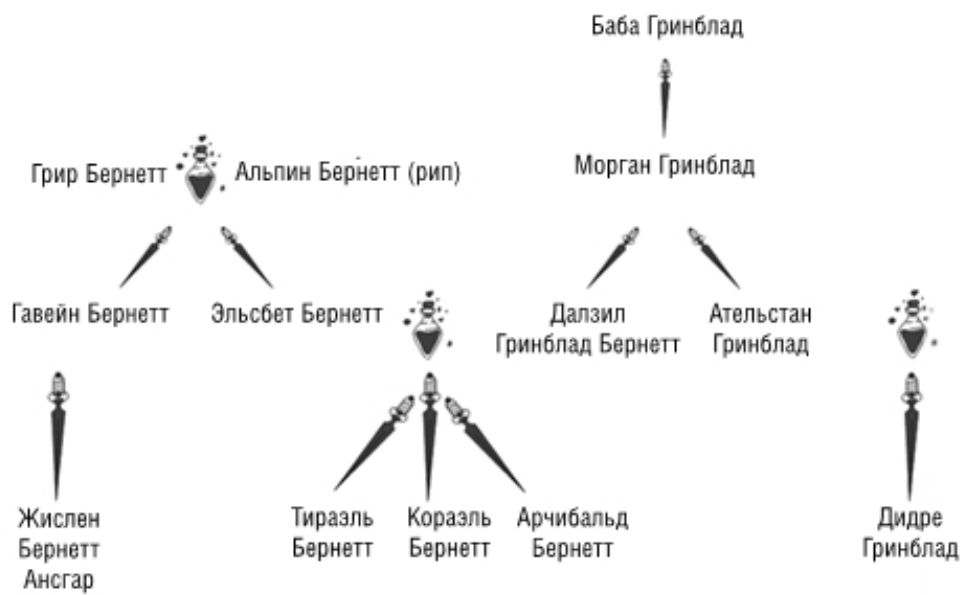
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Для тех, кто сомневался во мне.

*Спасибо вам за то, что ранили меня,
потому что эти шрамы сделали меня только сильнее.
И ваши слова – они сейчас не имеют значения.*

*Так что спасибо тебе. Спасибо, что ранила меня.
Лена Мейер-Ландрут, спасибо.*

РОДОСЛОВНЫЕ

РОДОСЛОВНЫЕ

Баба Анстар

Хелена

Восемь лет назад

– Не плачь. – Его голос звучал мягко и успокаивающе, но я не могла сдержать слез. Финли убрал волосы с моего лица. – Выглядит вполне неплохо.

– Ты лжешь!

– Нет, правда.

В темноте мы были лишь слабыми очертаниями на фоне высоких деревьев, но полная луна ярко сияла на черном ночном небе.

– Это делает тебя особенной.

– Прекрати, – пробормотала я, вытирая лицо тыльной стороной ладони. Густая листва над нашими головами покачивалась на слабом ветру. – Я монстр.

– Тогда ты самый красивый монстр, которого я знаю.

Теперь я засмеялась. Финли просиял. Я обхватила себя руками и посмотрела на мальчика рядом со мной. Пряди золотистых волос делали внешность Финли очень мягкой. Я не знала никого, кто был столь же красив, как он. Я собиралась выйти за него замуж, когда вырасту, и совершенно точно была в этом уверена.

– Я скучала по тебе. Вся моя... вся моя жизнь разрушена, Финли.

– Это не так. Просто теперь все станет по-другому.

– Я скучаю по своей маме.

– Не плачь, – повторил он. Своей рукой мальчик рисовал неуклюжие круги на ткани моей куртки где-то в районе плеча. – Станет легче. Справишься с этим, потому что ты сильная.

– Я не такая, – прошептала я.

– Неправда.

– Да откуда тебе это знать?

– Потому что ты моя лучшая подруга. Я знаю тебя уже очень давно. Хелена Иверсен – самая сильная девочка, которую я встречал.

Огромная слеза покатила по щеке. Капля разбилась о нашивку в виде лошади на моих джинсах. Подбородок задрожал. Я подтянула ноги к туловищу и спрятала лицо между коленями. Я знала, что следующие слова были несправедливыми, но они все равно сорвались с моих уст.

– Тебя не было рядом, хотя я нуждалась в тебе.

Между нами воцарилась тишина, пока снова не прозвучал неповторимый голос Фина.

– Что случилось, Хелена?

Я молчала. Лягушка прыгнула в мутный пруд перед нами. В какой-то момент я пожалала плечами.

– Не могу вспомнить.

За исключением безобразно яркого света...

– Что рассказал тебе отец? Почему твоя мать умерла?

С трудом я сглотнула.

– Мы были вместе. Мы с мамой. В другом лесу, к югу отсюда. Кто-то дурачился, поджигая сухие листья на земле. Папа сказал, что нас охватило пламенем. Мама... Она... – Я с трудом хватала воздух. – И я... – Сморщила лицо, пытаясь сдержать слезы. Почти в это же время я почувствовала, как пальцы Финли нежно поглаживают мой шрам от ожога.

– Ты выжила, – закончил он фразу. Мелодичный тон его голоса звучал почтительно, и в глазах Финли я распознала гордость. И все же я чувствовала себя ужасно. Почти жалела, что пламя не унесло и меня с собой.

– Да, – только и смогла выдавить из себя, ощущая внутри глубокую боль.

Финли обнял меня и крепко прижал к себе.

– Это было чудо, Хелена. Боги хотят, чтобы ты жила.

Не знаю, как долго мы пробыли в объятиях друг друга. В какой-то момент я отстранилась, потому что мне нужно было избавиться от чего-то, что все это время горело у меня в душе.

– Ты можешь переехать ко мне. На днях папа сказал, что сделает все возможное, чтобы мне снова стало лучше.

– Ох, Хель. – Финли грустно улыбнулся. – Возможно, однажды...

Свет луны отражался от бронзового лица Финли. Он всегда был сильно загорелым. Я задавалась вопросом, как такое возможно, если в Шотландии постоянно идет дождь. Фин выглядел словно загорелый принц, и, хотя он всего на год старше, мой приятель был явно более зрелым. Возможно, именно поэтому я чувствовала особое тепло рядом с ним. Финли давал мне ощущение безопасности.

Жгучую боль вызывал тот факт, что это был наш последний вечер в лесу, до тех пор, пока его семья не сможет в следующий раз отправиться в отпуск. Родители Финли были врачами и редко могли найти время, чтобы уехать из страны. По крайней мере, так мне объяснил Финли. Я поморщилась от мысли, что мне снова придется отпустить его.

– Послушай. – Фин взял меня за руки и развернул к себе так, чтобы он мог смотреть прямо в глаза. – Твоей мамы больше нет, но я обещаю, что никогда не исчезну, хорошо? Я твой лучший друг, всегда буду твоим лучшим другом и, когда стану старше, никогда не уйду.

– Обещаешь?

– Клянусь своей жизнью, – сказал он. Затем Финли выкопал из земли камень с острыми краями, внимательно осмотрел его в лунном свете и повернул ладонь к небу. Внезапно он порезал им свою кожу.

Я прохрипела:

– Финли!

– Теперь ты, – сказал он, протягивая мне камень с решительным выражением лица. – Это не больно.

– Зачем мне это делать? – Мой испуганный взгляд застыл на его кровоточащем порезе.

– Мы даем клятву на крови, – сказал он. – Чтобы мы были вместе навсегда. Даже если какое-то время не сможем видеться.

Я колебалась. Этот порез пугал меня, но не так сильно, как мысль о том, что я больше не смогу быть с Финном. В конце концов я взяла камень, но не могла заставить себя сделать это.

– Давай ты.

Он покачал головой.

– Должна ты. В противном случае это не сработает.

– Клятва?

– Да. Это должно быть твое собственное решение. Будь храброй, Хелена.

Я сделала глубокий вдох, разжала кулак и закрыла глаза.

– Ладно. – Я быстро полоснула камнем по своей ладони. Сначала на мгновение ощутила жгучую боль, а когда открыла глаза, кожа уже окрасилась в красный цвет. – И что теперь?

– Иди сюда, – Финли придвинулся ближе ко мне и протянул руку. Одинокая капля крови скользила по его линии жизни. – Посмотри на меня.

Я подняла голову. Мое сердце сделало странный кувырок, суть которого я тогда определить не смогла.

– Теперь мы скрепим соглашение нашей кровью, но взгляд отводить нельзя, хорошо?

Я кивнула. Мой взгляд был прикован к его большим глазам. Их оттенок напоминал золотой мед. Я без всяких затруднений могла бы смотреть на него всю ночь. В следующую секунду я почувствовала руку Финли на своей. Наши раны соединились. Меня охватило странное чув-

ство, словно нас заливал чистейший солнечный свет, и мое сердце бешено колотилось в груди. Это было чертовски волнительно.

Он переплел свои пальцы с моими.

– Вот так. Теперь мы вместе навсегда.

Но, пока он смотрел на меня, его улыбка медленно начала гаснуть. В конце концов он стал и вовсе грустным.

– Я должен отвести тебя домой.

– Не хочу, – тихо сказала я.

– Ты должна. Твой отец наверняка очень волнуется.

Я опустила взгляд и принялась теревить молнию на своей куртке.

– Когда я увижу тебя снова?

– Скоро. – Он казался более задумчивым, чем раньше. Его нахмуренный взгляд блуждал по кроне деревьев. – Обещаю. – Внезапно Финли высвободил свою руку из моей. Здоровой рукой он порылся в кармане анорака и вытащил что-то похожее на серый камень. Фин посмотрел на меня. – Это тебе.

Нахмурившись, я взяла маленькую вещицу и принялась ощупывать и разглядывать ее.

– Это дракон?

– Да. – Наконец-то Фин снова улыбнулся. – Он защитит тебя, когда меня не будет рядом.

Я прижала крошечного зверька к своему сердцу и одарила Финли самым теплым взглядом, на который была способна.

– Спасибо.

Его взгляд сфокусировался на ужасном шраме на моем лице. Я опустила взгляд, но он пальцем поднял лицо за подбородок, чтобы я снова посмотрела на него.

– Ты боец, Хелена. Никогда не стыдись этого. Ни за что. И не позволяй никому говорить, что этот шрам уродует тебя. Он делает тебя самой красивой девушкой в мире.

Финли всегда говорил в этой старинной манере. Он отличался от парней, которых я знала. Каждый из них выкрикивал что-то не к месту, отпускал глупые шуточки или подтрунивал над девочками. Но не Финли. Он был другим.

– Спасибо, – снова прошептала я.

– Я скоро вернусь, – произнес он.

А я все еще повторяла про себя его слова, даже когда уже давно лежала в своей постели и смотрела в окно на звезды. В ту ночь я долго засыпала с улыбкой на губах. Но тому вечеру в лесу суждено было стать последним разом, когда я видела Финли. Он не вернулся. Больше никогда.

Даже спустя годы мысли о золотистых волосах и благородных чертах бронзового лица были причиной моих бессонных ночей.

Хелена

Наши дни

Мои пальцы болели. Я изо всех сил цеплялась за ржавые перила покосившегося причала, который, по идее, вел на материковую часть Шотландии. Позади меня кто-то щелкнул языком.

– Долго еще собираешься там возиться?

– Дайте мне минутку, – выдавила я, и стоило это мне огромных усилий, потому что воздух в легких заканчивался. Взгляд устремился к брызгам, которые мягкими волнами плескались о причал. Я застонала.

– Крошка, пошевеливайся! – послышался женский голос. Он звучал раздраженно. – Сейчас шесть часов. Я собираюсь выпить кофе, черт возьми!

Я закрыла глаза. Дыхание было прерывистым. Мои руки дрожали, когда я отрывала их от перил, чтобы сделать шаг вперед. Ветер трепал вокруг голых колен вельветовую оверсайз куртку. Стало ясно, что в Шотландии о летней жаре мечтать не приходится.

– Она сейчас немного не в себе, – пробормотал человек позади меня.

Только я успела подумать, что это прозвучало сердито, как вдруг мою руку дернули в сторону. Спасительная рука!

Ржавые перила неприятно впились в спину. Я захрипела. Тело отреагировало, когда разум приказал ему открыть глаза. Паника поглотила крик, который хотел вырваться из моего горла.

Передо мной простиралось Северное море. Серое, всепоглощающее чудовище. Оно внушало ужас. Так сильно, что я не могла ни думать, ни дышать, ни даже жить. В эту секунду существовало только море, только вода, которая перенесла меня в другой момент. Момент, который привел к тому, что я оказалась здесь.

– Эй! – Приятный женский голос проник ко мне сквозь туман. – Все хорошо. Посмотри на меня, ладно? Сюда.

Раздался щелчок пальцев. Я моргнула, но глаза не могли ни на чем сфокусироваться. Прошло какое-то время, прежде чем нормальное зрение вернулось, и я увидела перед собой женщину. Короткие черные волосы обрамляли ее заостренное личико. Глаза были такими же яркими, как небо, на котором плясали пушистые облака. Она улыбнулась, и это было так приятно, потому что моря больше не было.

– Вода?

Я кивнула. Она тоже. Мы договорились. Замечательно.

– Закрой глаза и возьми меня за руку. Я поведу тебя.

Я не знала ее, но мои возможности были ограничены. Поэтому доверилась ей. Все завертелось, хотя я видела перед глазами только черные точки. Но я разглядела водоворот, черное в черном, огромный и мрачный хаос. После кошмарных секунд, наполненных ужасными мыслями о том, чем все это может закончиться, я почувствовала твердую почву под ногами.

Я жалобно застонала от облегчения, жадно наполняя легкие соленым воздухом. Открыла глаза, собираясь поблагодарить женщину, но... она исчезла.

Я осмотрелась вокруг, внимательно разглядывая набережную. Моряки грузили ящики в свои рыбацкие лодки, готовясь к завтрашнему дню; за тележкой с газетами мужчина в серо-голубой полосатой кепке и дождевике размахивал новой газетой.

– Первый министр постановил! – крикнул он. – Никаких военных в городах Абердиншира!

Я читала о событиях в Абердиншире, особенно в районе Тихого Ручья. В течение некоторого времени люди бесследно исчезали. Уже давно поступали сообщения о необычных

«несчастных случаях». Точные причины смертей в большинстве случаев неясны, но исчезновение людей было новым витком в череде всех этих странностей.

В воздухе гавани повисла тишина, пока владелец рыбной закуской разворачивал тент. Новоприбывшие на пароме пытались сориентироваться или спешили через гавань, но куда бы я ни посмотрела... незнакомой женщины нигде не было.

– Эй, курица! – крикнул голос рядом со мной. Он звучал раздраженно.

Я обернулась и узнала члена экипажа парома по его темно-синей форме.

– Это ты мне? – Было похоже на то, потому что он тащил мой тяжелый чемодан по неровно уложенным камням на асфальте. Прямоугольная коробка, в которой хранились все вещи, которые у меня вообще остались. Я была просто сбита с толку тем, что он сравнил меня с курицей, пока не вспомнила, что на шотландском сленге это означало «девушка».

Подбородком он указал на чемодан в своих руках.

– Ты забыла на корабле. – Сигарета угрожающе качнулась в уголке его рта. – Тяжелый он у тебя.

Матрос собрался подбросить его, но я вскинула руки, протестуя.

– Не надо!

Морщины прорезали его лоб, прежде чем он нахмурил тонкие брови.

– А?

– Не... Не нужно его подбрасывать. – Я поспешно протянула руки и забрала у него чемодан. – Прошу прощения. Я... Да. Спасибо.

Он посмотрел на меня в недоумении. Наконец матрос зажал сигарету между пальцами и закурил, загрязнив воздух ее ядовитым дымом. Я прислушивалась к глубокому звуковому сигналу стоящего на якоре судна, пока мой взгляд блуждал по соседней улице в поисках желтого дома. Я должна была встретиться там с Натаниэлем. Он сказал, что сторонится порта, потому что здесь слишком много людей. Что ж, в этом плане мы были очень похожи.

Через некоторое время я нашла тот путь, про который он мне говорил.

Восходящая узкая улочка, которая шла по дуге и вела к паромному причалу. Высокие подошвы моих ботинок глухо стучали по асфальту. На этой боковой улице, кроме меня никого не было, но вдалеке я услышала легкий звон колокола, призывающего сесть на паром. Солнце объявило о своем восходе, окрасив небо в градиент оттенков розового золота.

Тихий Ручей был странным местом. Все здесь казалось неподвижным. Я слышала шелест листьев, колышущихся на легком весеннем ветру, и пение каких-то птиц, звучавшее совсем не так, как я привыкла дома. Тихая, меланхоличная мелодия сопровождала меня, пока я не добралась до условленного места встречи и не остановилась в ожидании.

Минуты пролетали одна за другой. Другие могли бы подумать, что я стою одна перед заброшенным магазином с красно-белым навесом, на витрине которого пылились остатки аптечных баночек. Но я знала, что за мной наблюдали. Буквально через несколько минут после того, как я добралась до места встречи, он привлек мое внимание. Рукава серого шерстяного свитера облегали его локти, длинные пряди черных волос свисали на жилистые предплечья. Контраст между чернотой волос и бледной кожей был настолько силен, что едва не ослепил меня. Парень сидел на корточках на дереве через дорогу и пялился на меня.

Я старалась сохранять невозмутимое выражение лица. Он не должен был думать, что может запугать меня. Хотя в действительности этот тип пугал меня. С каждой минутой я чувствовала себя все более неуютно. Я подумала о Джеке-потрошителе и занервничала. У меня не было никакого желания подвергнуться нападению неугомонного серийного убийцы в мой первый день в этом городе.

Ладони вспотели. Кожаная ручка чемодана в деревенском стиле, который когда-то принадлежал моему отцу, грозила выскользнуть из рук, поэтому я сжала ладони в кулаки вокруг узкого куска замши. Я почувствовала, как горят мои мышцы от тяжести чемодана. Но что-то

во мне сопротивлялось тому, чтобы поставить его; что-то во мне не хотело признаваться самой себе, что я прибыла в Тихий Ручей раз и навсегда.

Я взяла чемодан одной рукой, достала из кармана куртки маленький камешек, который всегда носила с собой, и погладила его выемки, пытаясь найти в этом успокоение. Он был рядом все эти годы после того, как Финли подарил его мне. Мой якорь. Защитный амулет. Он дарил ощущение безопасности. Тепла. Ощущение, что я не одинока. Хотя это уже давно было не так.

Снова и снова мой взгляд возвращался к высокому дубу, который возвышался над кирпичным домиком на другой стороне улицы. На широкой ветке наполовину скрытый густой зеленой листвой сидел бледный парень и не спускал с меня глаз. Он прислонился спиной к широкому стволу дерева, подтянув одну ногу, пока другая небрежно болталась в воздухе. На одном из его черных ботинок развязался шнурок.

Мы вели ожесточенную дуэль взглядами, но парень не отводил глаз. Казалось, его не волновало, что я заметила его. Дико растрепанные и черные как смоль волосы рассыпались по коричневой коре, пока он рассеянно разминал нижнюю губу большим и указательным пальцами.

– Хелена?

Я вздрогнула. Кожаная ручка выскользнула из моих рук, после чего чемодан с глухим звуком ударился об асфальт. Я поспешно наклонилась, чтобы снова прижать его к себе, прежде чем взглянуть в обветренное лицо старика. Тяжелые мешки красовались под водянисто-серыми глазами, что было неизбежно при такой коже – тонкой, словно пергамент.

– Натаниэль?

Он кивнул. Его лицо не выражало абсолютно никаких эмоций. Бледные губы были сжаты в узкую линию. Я присмотрелась к нему повнимательнее. Под потрепанной жилеткой Натаниэль носил мятую пожелтевшую рубашку, которая, возможно, когда-то была белой. Его жесткие джинсы выглядели выцветшими от стирки, а на тощем запястье болтались наручные часы, которые были ему слишком велики. Стрелки покоились на неправильных цифрах. Они не двигались.

Мой дедушка производил жалкое впечатление.

Он сделал шаг вперед.

– Я возьму твой чемодан.

Я посмотрела на его длинные пальцы и нерешительно взглянула в его глаза.

– Только не тряси и не бросай его, хорошо?

Натаниэль Иверсен не стал задавать никаких вопросов. Он лишь что-то одобрительно пробурчал себе под нос. С каменным выражением лица дедушка забрал у меня чемодан, и тут его взгляд замер на моем лбу. Я отвернулась. Шрам от ожога светился, как будто его очертания снова разожгли всепожирающий огонь.

Повисла неприятная секунда. Я слышала биение собственного сердца. В конце концов мой дедушка развернулся на пятках. Не говоря ни слова, он пошел по улице. Я последовала за ним, но в затылке неприятно покалывало. Желание оглянуться через плечо было огромным. Я изо всех сил старалась избавиться от этого ощущения, но чем дальше я отходила, тем сильнее становилось покалывание.

Когда мы добрались до развилки и Натаниэль повернул направо, было невозможно – *просто невозможно* – продолжать игнорировать это желание. Я медленно повернула голову. Белокурые пряди моего конского хвоста скользнули по вельветовой куртке. Почти сразу же взгляд сфокусировался на ветке дуба, одиноко возвышавшейся за кирпичным домиком. Между этим моментом и нашим последним зрительным контактом прошло всего несколько секунд, но... парень исчез.

– Как прошла переправа?

– Нормально, – выдавила я. Натаниэлю не нужно было знать, что я просто съежилась на своем месте, дрожа, и провела ночь, слушая храп моего соседа по сиденью, чтобы заглушить звук плещущейся воды.

Натаниэль хмыкнул, и на этом его попытки завязать светскую беседу, казалось, закончились. Через некоторое время мы добрались до рыночной площади города. Свет фонаря преломлялся на чугунной внушительной статуе женщины посреди квадратной стены дома. Я замедлила шаг, пока рассматривала ее.

Это была необычная женщина. Ее лицо выглядело своеобразно, оно казалось совершенно причудливым. Я не могла отвести взгляд. Левая половина отличалась бесспорной красотой: правильные черты четко вырисовывали высокую скулу, уголок губ и глаз. Однако правая сторона ее лица... Святые небеса! Не припомню, когда мне доводилось видеть что-то настолько жуткое. Чем дольше я смотрела на странные символы, вырезанные на материале с поражающим перфекционизмом, тем больше мне становилось не по себе. Глаз на правой половине лица выглядел безликим, в нем зияла беспросветная дыра. Разбитые и потрескавшиеся губы контрастировали с искусно вырезанной левой стороной; длинная щель представляла собой вторую половину носа.

Натаниэль уже практически прошел мимо статуи, когда заметил, что я остановилась. Его взгляд скользнул от меня к изображению женщины и обратно.

– Ты идешь или как?

Ее притягательная аура пленила меня. Было трудно отвернуться. Давящее одеяло опустилось на затылок, как будто воздух доносил чей-то шепот и прижимал к себе. Меня охватила дрожь.

Наконец я покачала головой и последовала за дедом. Когда мы перешли рыночную площадь и пошли по восходящей тропе налево, я поймала его осторожный взгляд в мою сторону.

– Морриган, – вдруг сказал он.

Я моргнула.

– А?

– Статуя в центре. В память о богине мертвых.

– Оу.

Я посмотрела вверх разрушенной кирпичной стены, ограждающей восходящую дорожку. Стена защищала нас от падения с высокого берега, но простиралась только до конца дорожки. Под нами раскинулась бескрайняя гладь серо-голубой воды. Я тут же отвернулась, но короткого мгновения оказалось достаточно. Мои колени задрожали.

Тело содрогнулось от непроизвольного глубокого вдоха. Соленый аромат морского бриза ударил в нос. Я провела кончиком пальца по неровному цементу между разрушающимися кирпичами, пристально глядя прямо перед собой. Я понятия не имела, кем была богиня мертвых или из какого мифа она возникла.

– Морриган, – тихо повторила я, чтобы отвлечься от мыслей о воде. – Звучит благородно.

Натаниэль кивнул. Раздался визг чайки. Она пролетела над нами и уселась на верхушку одинокой мачты. Когда тропа закончилась и мы оказались в небольшом поселке, состоящем из отдельных домиков, мое дыхание сменилось прерывистым хрипом. Мой дедушка при этом даже в лице не изменился.

Я окинула взглядом покосившиеся, небрежно расставленные дома. В Тихом Ручье время словно остановилось. Это было так не похоже на Германию. Так не похоже на все города, которые я когда-либо видела. Тихий Ручей казался древним и обветшалым. Складывалось ощущение, будто все вокруг являлось реквизитом съемочной площадки, вдохновленным предыдущим столетием. Факт, что через несколько часов я впервые буду поступать в колледж в этом месте, казался совершенно нереальным. Куда более вероятным казалось встретить Смауга в его пустоши.

– Здесь. – Натаниэль остановился возле прямоугольного дома из коричневого камня. Грязь украшала внешние ставни и витиеватую раму, окружающую дверь. Похоже, ненастные дни покрыли белую древесину плесенью и грязью. Из крыши, вымощенной разноцветной черепицей, торчал дымоход.

– Это мой дом.

На сей раз это я была человеком, который просто кивнул. У меня не хватало слов, потому что дом моего дедушки казался заброшенным.

Натаниэль шагнул вперед. Я воспользовалась его невнимательностью, чтобы осмотреть передний двор. Частично разрушенная каменная стена и неухоженная живая изгородь окружали засохший газон. Спутанный плющ обвивался вокруг потрепанной железной скамейки. Из-за разросшегося кустарника, окружавшего ее, место для сидения было едва различимо. Я насчитала пять заброшенных растений. Два из них лежали на траве в окружении рассыпавшейся земли и разбитых горшков.

Это было унылое место.

Когда мой дед повернул ключ в замке и открыл дверь, гнилостный запах ударил в лицо с такой беспощадностью, что я не могла вздохнуть.

Оттуда воняло. Боже, оттуда так воняло, что я всерьез задумалась, не оставил ли Натаниэль кого-нибудь разлагаться в этом доме. Но, когда он включил свет, и мой взгляд пробежался по горам грязной посуды, по застывшей корке старого картофельного пюре и бело-зеленому слою плесени на остатках тушеного мяса, мысль о засохшем трупe отпала сама собой.

Натаниэль Иверсен жил скромно и в грязи. Дед избегал встречаться со мной взглядом. Какое-то мгновение я рассматривала черты его лица, пытаясь обнаружить наше сходство, но заметила только различия. Он сбросил с сундука старые газеты и стаканчики из-под йогурта, а сверху поставил мой чемодан.

– Ты хочешь есть?

– Нет, спасибо.

Моя первая ложь в Тихом Ручье. Следовало ли мне вообще начинать считать, сколько я солгу? Предположительно, нет.

Натаниэль с мрачным видом отреагировал на звук моего урчащего желудка.

– Садись. У меня было что-то на завтрак.

Сначала мне стало интересно, где он найдет место для приготовления пищи, потом я молилась, чтобы он не принес похлебку с плесенью. Ноги несли меня под аккомпанемент скрипа деревянных половиц, выполненных в деревенском стиле. Я села за круглый обеденный стол и наблюдала, как дед соскребает старую еду с двух тарелок и вытирает их щеткой для мытья посуды. Затем Натаниэль принялся черпать еду из кастрюли. Мой желудок сжался.

Натаниэль вернулся, сел напротив и толкнул мне тарелку через весь стол. Тосты и запеченная фасоль. Без слоя плесени, слава богу.

Какая странная ситуация! Этот человек был моим дедушкой, но я никогда прежде не видела его, за исключением пожелтевших, потрескавшихся фотографий. И вдруг я оказалась здесь. Это было безумием, которого мои родители никогда бы не допустили. Но у них не было возможности запретить мне находиться тут. Они были мертвы. Оба.

Вилкой я указала на старинную печь, вытяжка которой была скрыта деревянным выступом. Кастрюли и сковородки свисали с балок.

– Старинная штука, но выглядит стильно. Ты сам построил этот кухонный остров?

Его серые глаза смотрели на грубо отполированный предмет мебели. Квадратная рабочая поверхность была завалена мусором, но я все же смогла разглядеть вырезанные на ней выемки.

– Да, – сказал он.

Я игнорировала свой желудок, который бурно протестовал при виде свалки вокруг. Задержав дыхание, я обмакнула тост в томатный соус от запеченной фасоли. Нас окутала

тишина, только столовые приборы звякали, когда касались керамических тарелок. Через некоторое время я больше не могла этого выносить. Молчание. Вонь. Крутящиеся в голове мысли о новом доме.

– Спасибо за завтрак. – Мой голос звучал гнусаво, потому что я сосредоточилась на том, чтобы не дышать через нос. – Если ты не возражаешь, я хотела бы распаковать свой чемодан, прежде чем идти в колледж.

Казалось, Натаниэль почувствовал облегчение. Он поднял свое тощее тело, чтобы убрать тарелки. Ножки стула заскрипели по деревянному полу.

– А ты уверена, что уже сегодня хочешь пойти в колледж? Ты можешь пойти и завтра.

– Не хочу ничего пропустить.

Он поджал губы.

– Почему ты не приехала на прошлой неделе, как мы планировали? – Дед стоял ко мне спиной, разглядывая горы посуды и, казалось, размышлял, какая башня из тарелок не слишком высока, чтобы уместить в себе еще две. – Ни сообщения, ни слова, и вдруг твой звонок вчера вечером, что ты уже в пути.

Я теребила кутикулу большого пальца, продолжая дышать через рот.

– Были дела, которые нужно было решить.

Если не считать того, что эти «дела» крутились вокруг решения совершить набег на мини-бар в отеле или заказать в номер китайской еды, то мои слова являлись откровенной ложью. Уже второй.

Натаниэлю не следовало знать, что я не смогла заставить себя сесть на паром неделей ранее. Ему не следовало знать, что меня дико потряхивало, когда я стояла в порту Амстердама со своим чемоданом и наблюдала, как вода безжалостно бьется о причал парома. И, самое главное, ему не следовало знать, что мое маленькое тело размером чуть более полутора метров просто разрывалось на части от страха покинуть единственное место, которое связывало меня с родителями.

Но в конце концов мне пришлось это сделать. Если я хотела узнать, почему моя мать оставила Тихий Ручей, почему она сбежала и больше никогда не хотела ступить на шотландское побережье, я не могла продолжать жить как прежде. Если я хотела узнать, кем она была, мне предстояло принять этот вызов. Возвращаться все равно было некуда. Свой дом детства я продала.

И вот я оказалась здесь, с отцом моей матери, в крошечном мрачном городке; мой новый дом являлся свалкой; все, казалось, было окружено водой, и я понятия не имела, как быть дальше. Никогда в жизни я еще не чувствовала себя такой потерянной.

Я провела руками по бокам своих узких джинсов, наблюдая за движениями Натаниэля: за тем, как седые редеющие волосы спадают на затылок, и за тем, насколько безразлично ему это грязное жилище, насколько я безразлична ему.

Я поднялась, он взял мой чемодан и пошел вперед, вверх по лестнице. Я последовала за ним. Ступеньки скрипели. Когда поднялась на верхний этаж, из комнаты в конце коридора вышел дед. Неуверенным жестом он вытер ладони о края свитера.

– Твой чемодан на кровати. На тот случай, если ты... все еще не хочешь, чтобы он касался пола.

– Спасибо, – пробормотала я. Он кивнул.

– Твоя форма для колледжа висит в шкафу.

Я медленно шагнула вперед, приложила ладонь к дереву приоткрытой двери и распахнула ее. Чего бы я ни ожидала, учитывая беспорядок в остальной части дома, ничего *такого* там не было.

Здесь царила педантичная чистота. Эта комната была маленькой, поэтому узкая односпальная кровать стояла боком к окну.

Я почувствовала это сразу. Уже в ту долю секунды, когда я вошла в комнату, меня охватила уверенность. Эта комната принадлежала моей матери. Таков был ее стиль. Казалось, все здесь было украшено цветочными узорами: стены цвета морской волны, покрывало на матрасе, пастельные картины. Даже потолок.

Моя мама всегда рисовала. Больше всего она любила природные элементы. Когда я думала о ней, перед моим внутренним взором возникали цветные пятна. Они окропляли ее лицо. Папа называл маму цветком своего сердца, который вдохнул в него жизнь. Пока все это у них не было отнято.

Я осторожно села. В горле образовался комок, когда мои руки коснулись цветочной ткани пледа. Я едва заметила, как свернулась калачиком рядом со своим чемоданом. Словно лиса, я взяла в руки одну из декоративных подушек и зарылась в нее носом. Я не знала, чего ожидала. Аромата роз моей матери?

Как глупо, Хелена. Как глупо. Она мертва. Это тебе было известно уже слишком хорошо.

Тем не менее я почувствовала ледяной холод и жгучее разочарование, когда единственное, что я ощутила, – это слабый аромат лаванды от кондиционера для белья. У меня вырвалось хрипкое рыдание. Я зарылась пальцами в подушку, в то время как подступающие слезы сотрясали тело. Соль обжигала щеки, но в этот момент ничто в мире не могло остановить мои рыдания.

Воспоминания захватили меня, захлестнули разум, и я увидела ее улыбку, ее белокурые волосы, ее тонкий вздернутый нос, который был так похож на мой. Видела беспокойство на лице мамы, когда я спотыкалась или случайно прикусывала себе язык, пробуя клубничное мороженое, которое мы частенько ели в саду. Воспоминание о ее нежном голосе словно пронзило меня насквозь. Перед глазами возник образ, как она укладывала меня по вечерам спать, нежно напевая какую-то мелодию, в то время как ее пальцы гладили мою голову. Я практически почувствовала это прикосновение.

В течение многих лет я умоляла своего отца поехать в Тихий Ручей. Умоляла позволить мне увидеть ее дом; увидеть, где и как она росла. Я хотела быть ближе к матери. Ближе, чем могла себе представить. В том месте, которое сделало ее таким бескорыстным и любящим человеком.

Папа отказался. Но теперь я была здесь. Теперь я лежала на кровати, где она наблюдала за звездами, которые сияли по ночам сквозь высокое белое окно. Я не могла сосчитать, сколько раз мама рассказывала мне о них. О волшебном небе над Тихим Ручьем и ярком, искрящемся чувстве, которое разжигала в ней жизнь на суровом шотландском побережье. Мне казалось, что если приехать сюда, то можно почувствовать то же самое. Я предполагала, что в этом месте есть ответы, которые я всегда искала. Я была так уверена, что почувствую здесь волшебство жизни.

Теперь я оказалась в Тихом Ручье. И ничего не чувствовала.

Тираэль

За ночь до этого

Ветер безжалостно бил по лицу. Была суровая осенняя ночь. Экзодия подо мной издавала довольный рык каждый раз, когда порыв ветра выбивал ее из колеи. По крайней мере, ей было весело.

Погрузившись в себя, я искал связь с силой: нащупывал ее, словно нежные пальцы, мягко лежащие на белые клавиши рояля, и становился властелином собственной нервной системы. Я безмолвно дал понять мышцам руки, что нужно расслабиться, иначе ночной холод лишил бы меня возможности держаться за геральчиро. Мое желание рухнуть с высоты было взято в узду.

– Вниз!

Мой летучий дракон отреагировал мгновенно. Я напряг мышцы тела, когда она вскинула свой хвост в шипах, готовясь к приземлению. Во время первых летных уроков часто случалось, что по инерции меня перебрасывало через голову Экзодии, но это было много лет назад. К настоящему времени мы с ней были единым целым.

Волосы били по лицу, а щеки болели от напора ветра, прежде чем мое летающее существо распрямило ноги. Когда они коснулись травы, когти оставили на земле глубокие длинные борозды. Сила приземления заставила Экзодию спотыкаться несколько метров подряд. Я привычно надавил на ее невидимый ошейник, после чего она послушно остановилась и уселась на пятую точку.

– Хорошая девочка, – пробормотал я, ободряюще похлопал по серой коже и соскользнул с ее спины.

Экзодия уже опустила голову и с упоением выдирала из сочной почвы каждую травинку. Какой бы увлеченной она ни была, ее огромные уши по форме, как у летучей мыши, были всегда на острие. Моя верная спутница обращала внимание на каждый звук, готовая защитить нас от опасности. Зрачки ее шаровидных глаз быстро двигались. Вокруг царила приятная тишина, за исключением жадного чавканья дракона. Вдалеке я слышал тихий плеск волн, разбивающихся о материк. Задумавшись, я облизал губы, почувствовав легкий соленый привкус.

– Подожди здесь, – сказал я, повернулся спиной к своей летающей спутнице и зашагал к большому холму. Он был окружен рвом. Чем ближе я подходил к кургану эпохи неолита, тем больше меня охватывало неприятное ощущение холодных прикосновений к коже. И это несмотря на то, что я был одет в свое охотничье снаряжение. То, что души говорили мне, было бесспорным фактом: *«Ты – незванный гость, тебе здесь не место»*.

Я добрался до входа. Гравий хрустел под моими ногами, пока я не вошел в кромешную тьму. Под большим травянистым холмом скрывался Мейшоу – могильник, построенный из блоков песчаника весом в несколько тонн и длиной от метра. Многие из них были размером с автомобиль. Каменные опоры поддерживали крышу древнего помещения. Я зажег спичку и позволил пламени перекинуться на факел, который принес с собой. Через несколько секунд тусклый свет заполнил помещение с высокими потолками.

Я подошел к той части стены, где ежедневные туристы восхищались иероглифами, вырезанными на камне. Легенда гласит, что много веков назад отдыхающие норманны оставляли на этой стене непристойные высказывания о женщинах или хвастались своим имуществом, чтобы развеять скуку. Но я знал лучше: эти руны пришли из языка азлатов. Эти символы таили в себе темное заклинание, которое было запрещено для таких, как мы. Вряд ли кто-то из народа Света предал бы Верховных подобным образом, ведь никто не пожелал бы столкнуться с последствиями черной магии. В конце концов, мы каждую ночь сражались с нашими темными братьями и сестрами снова и снова. Мой народ был бы разочарован, узнав, чем я здесь регулярно занимаюсь. Но у меня не было выбора.

Пламя факела потрескивало. Оно отбрасывало тень от моей головы на стену из белого камня, пока я водил указательным пальцем по каждой руне.

– *Quoda suma, hoc sumare. Hoc suma, quod eris*, – пробормотал я, взывая к способностям и заставляя свое силовое поле достичь темной материи. Мое нутро сопротивлялось. Я не обучался такой форме магии, и это было единственное темное заклинание, на которое я был способен. Мне потребовались годы, чтобы овладеть им.

– *Quoda suma, hoc sumare*, – повторил я. Чем являемся мы, тем станете и вы. – *Hoc suma, quod eris*. – То, чем вы являетесь, было когда-то нами. – *Tib ossa terra abiit*. – Пусть твои кости коснутся земли. – *Hic est Lachlan Tsibea*. – Лахлан Цибеа, восстань.

Жар залил мое тело, заставляя опуститься на колени. Рука соскользнула со стены. Я сжал зубы, мысленно крича себе, что не сгорю, что это прекратится. Агония длилась несколько секунд, прежде чем смениться ледяным холодом. Как будто мои нервы замерзли. Внутри протестовал хаос, извиваясь, словно страдающее животное. Эта боль пронзила меня до мозга костей.

Из меня вырвался хрип, когда я в оцепенении наблюдал, как отдельные частицы материализовались в воздухе перед моими глазами. Муки черной магии утихли, в то время как изуродованный человек принял законченный облик.

Передо мной стоял Лахлан Цибеа – представитель народа Тьмы и один из последних оставшихся некромантов. Его кроваво-красные волосы обрамляли серую кожу, словно корона. Несколько впадин изуродовали лицо, словно глубокие шрамы. От него исходил кисловатый запах, который распространялся по всему могильнику. Лица наших темных братьев и сестер напоминали кожу трупа, изъеденную червями и личинками, сквозь которую проглядывали очертания черепа. Их тела были худыми, как щепка. Народ Тьмы был почти полностью сложен из бумажной кожи и костей, потому что Иной мир пожирал их.

– Тираэль Бернетт, – произнес Лахлан, ухмыляясь. Его зубы были заострены, как смертоносные кинжалы. – Какая неожиданная радость.

– Мне нужна твоя помощь.

– Прискорбно, – пробормотал Лахлан и начал расхаживать взад и вперед по круглой площадке. – Я как раз собирался отдохнуть от изнурительной охоты и немного вздремнуть.

– Возведенная защитная стена ослабевает. Я чувствую это. Проклятие пожирает меня.

Лахлан вдруг остановился и глубоко вздохнул.

– Почему ты избрал именно меня, чтобы взяться за это неприятное дело?

– Ты знаешь об этом типе заклинаний больше, чем кто-либо другой. И ты не такой, как они.

– Как кто?

– Другие представители народа Тьмы.

Лахлан усмехнулся.

– О, мальчик. Я такой же, как они.

– Нет.

Черные, как смоль, глаза Лахлана впелись в мои. Это могло показаться угрожающим, и многие другие, вероятно, отступили бы, но я не испугался. В этой жизни мне больше нечего было терять.

– И что привело тебя к этой мысли, Бернетт?

– Ты здесь, – произнес я. – Ты можешь отразить магию, но каждый раз появляешься передо мной.

– Потому что ты даришь мне драгоценные часы за пределами потустороннего мира. Задержаться на Земле после полуночи – до наступления рассвета и окончания охоты. Кем бы я был, если бы отказался от этой привилегии?

– Возможно. Но я думаю, что здесь замешано что-то еще.

– И что же?

– Черта азлатов, которая, кажется, давно утеряна и выходит далеко за рамки отдельных народов.

– Говори прямо, мальчик.

Я посмотрел ему прямо в глаза.

– Верность своим братьям и сестрам.

Лахлан скрыл от меня свое сердцебиение. Он знал, что я наблюдаю за ним, и знал, что по натуре я был дотошным. Тираэль Бернетт никогда бы не оставил ситуацию на волю случая. Разумеется, я пытался наладить связь с его мышечной системой. Не имеет значения, что я о нем думал: я должен был быть во всеоружии. Но сила Лахлана схожа с моей. Такой, как он, не позволил бы мне просто так определить его настроение по пульсу, поэтому Лахлан тщательно оборонял свое нутро.

– Я ненавижу тебя, Бернетт.

– Я знаю.

– Твоя семья – подонки.

– Только мой брат.

Он прорычал.

– Особенно твой отец.

– Потому что на прошлой неделе он преследовал тебя до самого острова Харрис? – Я рассмеялся. – Такова его работа.

– Я ни на кого не нападаю! – прокричал Лахлан. – Скажи мне, Бернетт: в каком мире справедливо наказывать невиновных за ошибки других?

– В этом.

– Ты думаешь, это правильно?

– Я сказал, что в этом мире все справедливо, но никогда не стал бы утверждать, что являюсь сторонником этой субъективной справедливости, Лахлан.

Он посмотрел на меня с подозрением. Я не сдвинулся ни на миллиметр.

– Справедливость без милосердия – это просто бесчеловечность.

Лахлан сплюнул на пол.

– Ваше начальство притворяется миролюбивым, но это все – прекрасно срежиссированный театр! Они держат ниточки в своих руках и манипулируют вами, словно куклами.

– Никто не манипулирует мной, и никто не держит меня в своих руках.

– Ты думаешь?

– Я знаю. – Одним быстрым движением я избавился от своей куртки и свитера под ней. Мерцающий свет факела отбрасывал тусклый свет на мускулистый торс. Я указал на глубокие дыры в коже. – Мое тело – это поле битвы, Лахлан. Не что иное, как перекопанная равнина с воронками от давно взорвавшихся мин. – Я сверкнул на него глазами. – Никто и никогда больше не будет контролировать меня. Я принадлежу себе.

Секунды шли. Было невозможно сказать, разглядывал Лахлан мои шрамы или лицо. Его черные как смоль глаза не позволяли понять это.

– Ложись, – вдруг сказал он.

Я прислонил факел к камню и сделал так, как он просил. Твердая холодная поверхность коснулась спины. Лахлан пошевелил своим длинным указательным пальцем. Мгновение спустя в земле вокруг моего тела образовалась круглая выемка. На мгновение узкая траншея ярко вспыхнула, прежде чем меня охватило черное пламя высотой по щиколотку.

Могущественный некромант рыскал вокруг, словно хищный зверь. Меня по очереди окутывало то светом, то тенью каждый раз, когда пламя факела вспыхивало и снова гасло. Странные слова слетали с уст Лахлана. Они звучали как леденящий душу шепот в темной ночи. Своими когтями он обвел контур моего тела. В воздухе возник точно такой же силуэт, похожий

на смолу, и я различил ядовито-зеленые полосы, пробивающиеся сквозь туман. Они несли с собой звуки детского смеха.

Лицо Лахлана исказилось. Другой рукой он крутил в воздухе, рисуя светящиеся руны в клубящейся дымке. Чем больше он напрягался, тем сильнее вздувались на его лице черные вены. Тело Лахлана дрожало, но он не останавливался.

Жар разливался по моему телу. Спустя несколько секунд я был весь в поту. Темный вывел последнюю руну, пробормотал заклинание и вдруг ткнул в пустоту, как будто кого-то ударил. Светящаяся струна зашептала, закрутилась и устремилась ко мне. Она зарылась в мое тело.

Я подавил крик, выгнул спину и стиснул зубы. Было ощущение, словно кто-то схватил все мои органы, сжал их и безжалостно вырвал. Но Лахлан объяснил, что он делал до того, как я впервые лег на эту поверхность: создавал искусственную защиту, которая вырастала внутри меня, как крепость. Проклятие было отброшено в сторону. У него не хватало сил пробить стену, но я чувствовал, как оно борется. И оно не собиралось останавливаться.

Лахлан опустил руку. Черное пламя погасло. Я лежал на полу, тяжело дыша, в то время как мир вокруг меня вертелся. Потребовалось какое-то время, прежде чем я смог подняться. Ноги дрожали.

– Это продержится какое-то время, – произнес Лахлан.

Я оперся одной рукой о песчаник.

– Как долго?

– Какое-то время, – повторил он.

– Интервалы делаются короче. – Это был факт, который больше нельзя было отрицать. Я наклонился, натянул свитер, затем куртку и вытер рукавом пот с лица. – Проклятие становится сильнее.

– Я предупреждал тебя, что так оно и будет. – Лахлан казался беззаботным, как будто мы говорили на несущественную тему, по которой у нас имелись разногласия. – Чем больше времени проходит, тем больше энергии овладевает твоими силами.

– Что я могу с этим сделать? – Впервые в жизни я уловил нотку отчаяния в своих словах. – Должен быть какой-то способ. Ты должен исцелить меня, Лахлан.

– Это больше не в моей власти. Но способ есть.

– Назови его. Я готов сделать все, что угодно.

– Все?

– Все.

– Что ж... – Лахлан поднял факел с земли и уставился на угасающие языки пламени. Его бледная кожа выглядела такой тонкой, что мне казалось, будто факел просвечивал ее насквозь. – Тебе нужна Безграничная сила.

В недоумении я разглядывал его целую секунду. Затем из меня вырвался громкий смех. Безрадостный звук наполнил древний могильник.

– Не думал, что ты сегодня в настроении шутить.

– О, я вовсе не шучу. – Его черные глаза сосредоточились на мне. – Я говорю совершенно серьезно. Конечно, если ты хочешь выжить, Бернетт.

Моя улыбка застыла.

– Безграничная сила исчезла столетия назад. Даже самые могущественные азлаты всех времен не смогли ее выследить. Разумеется, не смогли, ведь сами боги скрыли эти три отличительных знака, Лахлан. Никто и никогда не сможет завладеть этим артефактом.

– Ты забыл про Сифру Иверсен, мальчик.

– Я не верю ни единому слову из этой глупой сказки, – прошипел я. – Иверсены всегда были и остаются лживым, показушным и бездумным кланом. Если бы мне пришлось выбирать между отрядом темных и одним Иверсеном, я бы предпочел убить второго.

Лахлан усмехнулся.

– Тогда ты обрадуешься, услышав, что Хелена прибудет в порт к рассвету.

Я скривил лицо. Он засмеялся. Это звучало холоднее смерти.

– Что бы ты ни думал об Иверсенах, твоя так называемая глупая сказка – единственная зацепка, которая у тебя есть. Воспользуйся ей, если тебе дорога жизнь. Найди майора Томаса Вейра и отбери у него силу.

– Никто на такое не способен.

Выражение лица Лахлана сделалось серьезным.

– Если кто-то и способен это сделать, то только ты, Бернетт.

Он щелкнул пальцами и исчез.

Я остался наедине со своими бурными мыслями и тусклым пламенем факела, которое как будто придавало обстановке сдержанный вид. Ничего не указывало на то, что некромант темного народа только что совершил надо мной могущественный ритуал. Если бы у власти закрались хотя бы малейшие подозрения, меня бы незамедлительно отправили в ссылку. Я сильно рисковал, устраивая эти тайные встречи, но Лахлан был моим единственным лучом надежды в мире, который становился все более мрачным. И как бы нелепо ни звучали его слова... Я знал, что он сказал правду.

Словно туманное видение, которое медленно прояснилось, я понял, что у меня не было другого выбора.

Независимо от того, потерплю я неудачу или нет, эта самоубийственная, изнурительная миссия была моим последним якорем. А это означало, что мне предстояло пойти против самого главного правила моего народа. В случае, если про это станет известно, меня обвинят в государственной измене. Верховные казнят меня. Беспощадно. Но не сделай я этого, то в конце послушания уже богиня мертвых будет ждать меня, чтобы сопроводить в Тир-на-Ног.

Решение было принято. Мне предстояло нарушить Высший Закон. Отныне все, что имело значение, – это майор Томас Вейр и Безграничная сила древних кельтских божеств.

Выйдя на улицу, я почувствовал прилив надежды. Прохладный воздух щекотал мои щеки. Я оседлал Экзодию и поднял ее в небо. Этот полет отличался от нашего прибытия. До этого меня и моего геральчиро сопровождала мутная аура. Она постоянно издавала жалобные крики, которые терялись на пронизывающем ветру. Экзодия чувствовала, что что-то во мне хотело сдаться.

Сегодняшняя ночь прощалась с нами ясным небом. Впервые за долгое время не упала ни капля дождя.

Хелена

Лицо моего деда было спрятано за газетой, когда я спускалась по лестнице. Он услышал шаги и опустил ее. Без единой эмоции разглядывал форму колледжа, состоящую из плиссированной юбки в красную клетку и белой блузки с рукавами-фонариками.

Форма была отвратительной. Белые шерстяные гольфы доходили до колен. Галстук-бабочка, соответствующий ткани юбки, был прикреплен к верхней пуговице между боковыми сторонами воротника блузки, и я чувствовала себя так, будто кто-то обернул меня дешевой подарочной лентой. Я взглянула на массивные черные ботинки на шнуровке, которые выглядели так, будто они были из девятнадцатого века. Я уже скучала по своим уютным «Мартинсам». Наряд казался устаревшей версией образа в стиле «Темной Академии».

– Твой пиджак. – Взгляд Натаниэля метнулся к предмету одежды, воротник которого я держала между пальцами. Его подол подметал пыльные ступени лестницы. – Почему ты его не надела?

Я спустилась до начала лестницы и пожала плечами.

– Сегодня должно быть тепло. В приложении писали, что весь день будет солнце.

– В приложении?

– На моем телефоне.

– Ага. – Он нахмурился. – Ты должна надеть пиджак.

Я прислонилась спиной к массивной витрине. На краю полки стояли книги, мусор, стеклянные банки, мусор, свечи, и – вот так сюрприз – мусор, накиданный в огромную кучу.

– Просто... – Я смиренно посмотрела на пиджак, прежде чем поднять глаза. – С этой штукой я выгляжу так, будто выступаю в марширующем оркестре.

– Это абсурд, – сказал он. – Что плохого в манжетах?

– Ничего, но... – Я вздохнула. – Я просто хотела бы носить свои собственные вещи.

Натаниэль отложил газету и поднялся. Он повернулся ко мне спиной, убежал на кухню и вернулся с кофейной чашкой в руке.

– У колледжа есть свои принципы, Хелена.

Я закатила глаза.

– Вот *это* абсурд. Мы живем в двадцать первом веке. – Я провела руками по своей форме. – А как же самовыражение?

Его взгляд по-прежнему был устремлен на меня – невыразительный и невозмутимый. Он снова отхлебнул свой кофе.

– Лучше всего, чтобы ты попыталась приспособиться. Было бы невыгодно давать жителям лишний повод говорить о тебе.

Я смиренно опустила плечи.

– Адьес, анонимность.

Натаниэль уставился в свою тарелку.

– Тихий Ручей другой. Но ты привыкнешь к этому.

– Конечно. – Мне казалось, что я никогда не смогу согреться в этом месте. Но да, возможно, на это требовалось время. Я переместила ремень своей джутовой сумки повыше на плечо и отвернулась. – Увидимся сегодня вечером.

– Возвращайся до захода солнца.

Я остановилась в движении.

– Почему?

Мой дед провел кончиком пальца по краю чашки. Тусклый свет газового фонаря отбрасывал на него зловещую тень.

– К ужину. – Он взглянул на свой ноготь. – Это... *мои* принципы. Ужин в семь. Ориентируйся на это время.

– Ладно. – На мгновение я задержалась на пороге. Мои пальцы покоились на дверной ручке, пока я смотрела на деда. Но он не предпринял никаких попыток поднять голову. – Должна ли я... Вернее, могу ли я навести порядок в доме? Сегодня вечером. Я была бы рада помочь тебе в этом...

– Нет. – Его грубый тон заставил меня вздрогнуть. Чашка в руке дрожала. Кофе пролился на его пальцы и расплескался по деревянному полу. Я сомневалась, что он это вытрет. – Я сделаю это.

– Я могла бы...

– Я сделаю это, Хелена. – Он не смотрел на меня. – Иди, а то опоздаешь.

Отреагировала я не сразу. Но, когда Натаниэль отвернулся и вяло прошаркал на кухню, я вышла из дома, жадно хватая соленый весенний воздух. Солнечные лучи сегодня были необычайно щедрой для востока Шотландии. Я закатала рукава ужасной блузки выше локтей и пересекла чахлый палисадник. Мне было непонятно, как мой дед мог жить в этом доме.

Здесь, наверху, скалы не имели границ. Порывистый ветер запутывал пряди волос. Челка хлестала меня по лицу. Пришлось завязать хвост и тут же распрощаться с локонами, которые я сделала с помощью выпрямителя. Я наслаждалась пьянящими проявлениями дикой природы, в том числе легким плеском воды об утес, пока не увидела море.

Я внимательно впитывала в себя каждую деталь суровой обстановки, пока мой взгляд не остановился на маленькой девочке. Она стояла на коленях у скал недалеко от меня. Ее колени выступали на несколько миллиметров над пропастью. Кончики огненно-рыжих волос касались подбородка девочки. Она наклонилась, чтобы исследовать пальцами участок осыпи, и засмеялась, когда камни упали в глубину. Однако я осмотрелась в панике. *За этим ребенком никто не присматривал?*

Девочка снова наклонилась вперед, но на этот раз потеряла равновесие. Мое сердце бешено заколотилось. Я побежала так быстро, как только могла. Увидев, как малышка споткнулась, я хотела завопить, закричать – что угодно, но это не помогло бы, поэтому я просто побежала еще быстрее, молясь, надеясь, трепеща.

Осталось всего три метра, подумала я. Три, теперь два. Держись, малышка, только держись...

Ее глаза широко распахнулись. Рот девочки сложился в ужасающе широкую, большую букву «О». Я резко остановилась. Шок затопил мое сердце. Было уже слишком поздно.

Девочка упала в пропасть.

Хелена

Я издала крик, ледящий кровь. Он рассеялся над морем, которое всего за несколько секунд до этого поглотило невинного ребенка. Затаив дыхание, я стояла там, вытянув руки, как будто еще могла поймать ее, как будто все еще могла предотвратить то, что только что произошло. Несмотря на солнечные лучи, меня окутал безжалостный холод. Его ледяные когти парализовали тело. Мне не удалось заглянуть за край пропасти.

Только смутный звук захлопнувшейся входной двери пробился сквозь туман моих мыслей. Я повернула голову и увидела молодого человека в черной водолазке. Его светло-соломенные волосы выглядели растрепанными и непослушными – такими же дикими, как и его глаза, удерживающие мой взгляд.

– Девочка! – прокричала я. – Она...

Он не дал мне закончить. Через несколько секунд парень оказался на краю утеса. Время между нами замерло. Я наблюдала, следила за его движениями и, затаив дыхание, ждала момента, который покажет мне, что все это взаправду. Я не знала, какой реакции ожидала. Возможно, вспыхнувшей боли в его теплых карих глазах. Чего я, конечно, не ожидала, так это веселой ухмылки, которая в эту секунду появилась на очень привлекательном лице незнакомца.

– Твое стремление к острым ощущениям уже начинает действовать мне на нервы. – Его длинные пальцы обхватили край скалы. Легкий порыв ветра откинул кончики волос с его лица, прежде чем они снова упали на левый глаз. – Даже не знаю, что с этим делать, Элин Вудворт.

– С кем ты разговариваешь? – спросила я, совершенно сбита с толку.

– Со своей дочерью.

– Что, прости?

Вместо ответа он протянул руки в бездну. Под тканью свитера я разглядела натренированные мышцы. Новая волна паники захлестнула меня, потому что я подумала, что он тоже сейчас упадет. Но внезапно из-за края утеса показалась копна рыжих волос, а на детском лице появилась широкая улыбка, когда мужчина поднял девочку над скалами.

Что за...

Я недоверчиво уставилась на них. Ее маленькая головка склонилась к плечу отца, и, заметив мой взгляд, девочка спрятала лицо в его руке. Она была маленькой. На вид ей можно было дать не больше пяти лет. Ее отец, в свою очередь, казался моим ровесником, но его осанка, черты лица – все в нем выглядело таким уверенным, таким грациозным, что я чувствовала огромную пропасть между нами.

– Извини. – Его голос звучал так, как будто он извинялся за пролитый на меня кофе. – Поведение Элин может быть пугающим, когда ты ее не знаешь.

– Пугающим? – Я растерянно заморгала. – Это было не просто пугающе. Я была... я не могла... – Я бешено жестикулировала руками. – Она упала со скалы!

Он осмотрел меня трезвым взглядом.

– Элин знает, что делает.

Гнев нарастал во мне, трепетал внутри, словно взбешенная ласточка.

– Она же ребенок! Почему ты позволяешь ей играть возле этого обрыва одной?

Отец девочки не моргнул и глазом. Непонятная ухмылка все еще красовалась на его губах. Повисла напряженная тишина, пока я внутренне готовилась к ответу и подбирала слова, чтобы противостоять ему.

Этот ребенок мог погибнуть!

– Элин знает, что делает, – повторил незнакомец. Прежде чем я успела что-то возразить, прежде чем я смогла даже вздохнуть, он повернулся ко мне спиной с почти пугающей элегантностью и исчез в доме вместе со своей дочерью.

Я ошеломленно смотрела им вслед, пока не заметила плачевное состояние его каменной хижины. Здание выглядело как традиционный коттедж давно забытых дней. Белая стена из сухого камня обветрилась, окна были маленькими и асимметричными. Солома заменяла традиционную крышу. Должно быть, этот дом простоял здесь значительно дольше, чем существовал Тихий Ручей.

Мой гнев, не найдя выхода, заставил меня судорожно выдохнуть. Этот вздох растворился на ветру. Осторожными шагами я приблизилась к краю обрыва. Мои ноги протестовали при виде головокружительной высоты. Из меня вырвался сдавленный хрип, но, как бы я ни была напугана... отвернуться уже не могла.

Нежными прикосновениями белая пена осыпала каменную стену меланхоличными поцелуями. Неподдельная, не обработанная красота природы загнипотизировала меня. Я задавалась вопросом, как что-то настолько прекрасное могло быть одновременно таким пугающим. Вдруг меня охватила тревога. Мой взгляд блуждал по скале и остановился на выступе плоской стены утеса. Это выглядело неестественно. Странно.

В моей голове пронеслись беспорядочные мысли. Паника, охватившая мои конечности, начала медленно ослабевать. Я отвернулась, но ситуация продолжала мелькать перед моим внутренним взором. Шокированное лицо девочки, когда она падала. Ухмылка, когда отец поднял ее над скалами. Как могло случиться, что гладкая стена утеса имела только один-единственный выступ – и прямо здесь?

Я заставила себя успокоиться. Мой мозг слишком драматизировал все произошедшее. Девочка жила здесь. Она прекрасно знала это место. И все же...

По моим рукам поползли мурашки. Внезапно мне глуже захотелось уйти с этих скал. Я решила спуститься по тропе к центру города и блуждала в узких улочках между домами, пока не добралась до порта. Меня обдало запахом рыбы и водорослей, а от прохладного сквозняка по бедрам пробежал холодок. Некоторое время я шла по плохо уложенной брусчатке набережной, пока до меня не донесся разговор двух моряков. Они разговаривали, сидя на своих лодках. Оба были одеты в рыбацкие панамы и жилеты.

– Пропустим сегодня вечером по стаканчику в «Королевском утесе», Руфус?

– Я не знаю...

– Давай, старый пень. Завтра мне нужно ехать в Стонхейвен.

– В другой раз, Том. Моя жена ждет.

– Ах, о том и речь, Руф, о том и речь. – Он жестикулировал в воздухе рыбацким ножом. Солнце отражалось от стали. – За каждым хорошим моряком стоит сильная женщина – или несколько во многих портах.

Я скривила лицо.

– Идиот.

Возможно, я перегнула палку, но его слова разозлили меня. Они напомнили о первых отношениях, в которых мне довелось неприятным образом узнать, что парень просто играл со мной. Финли никогда бы так не поступил. Финли был бы... Он был бы...

Я зажмурила глаза, отгоняя мысли о нем. Чего я ожидала? Что он будет стоять в порту с табличкой и ждать меня после того, как от него вот уже сколько времени не поступало никаких известий?

Том переместил вес в своей ржаво-коричневой лодке, чтобы повернуться ко мне. Его лицо казалось опухшим, рыбацкая панاما вдавилась в плоть. Отвратительная жадность отражалась в его глазах, когда он рассматривал мое тело.

– Да неужели? – Он издал мерзкий смешок, который пронесся над Северным морем. – Возможно, будь ты одной из них, думала бы по-другому. Не возражала бы, малышка.

Я остановилась и вздернула подбородок.

– Не возражала бы написать тебе мой ответ по буквам. Этим ржавым рыбацким ножом прямо на твоей коже. Очень медленно, чтобы ты успел все разобрать. Как насчет этого, Том – останемся наедине, ты и я?

Лающий смех Руфуса раздался в воздухе: грубый, словно дикое море. Его приятель, с другой стороны, бормотал бессвязные ругательства, его лицо источало неприкрытую злобу. Я выдержала его взгляд с ехидной ухмылкой и отвернулась.

Колледж был расположен на окраине города в Хайлендсе. Я наметила свой путь на картах Google. Мне предстояло пройти мило по набережной порта. Казалось таким нереальным начинать студенческую жизнь в этом месте. Как будто я была готова к будущему и к тому, чтобы моя жизнь стала беззаботной. Нереальным казалось то, что я была здесь, в Тихом Ручье – месте, которого мои родители избегали, как чумы, и о котором постоянно умалчивали.

Набережная подходила к концу. Вдалеке были различимы четыре шпиля замка, уходящие в небо. Только туманные очертания – серые и мрачные в лучах восходящего солнца. Я засунула руки в карманы юбки и стала осматриваться по сторонам, пока мое внимание не привлек деревянный указатель. На одном из трех знаков со стрелками были выгравированы слова «Колледж Тихого Ручья».

Я довольно долго следовала этому направлению. Брусчатка набережной давно превратилась в пешеходную дорожку вдоль побережья, слева от меня распластались бескрайние просторы сурового высокогорья, справа – Северное море, над зеркальной гладью которого в эту секунду пролетала чайка. Ее лапы скользили по поверхности воды.

Когда рыбацкие лодки в порту Тихого Ручья стали казаться маленькими, словно игрушечные кораблики, я вышла на широкую каменную дорожку. А в конце этого пути стояло многовековое здание, величественное и почтенное. Каменная круглая арка отделяла дорожку от внутреннего двора колледжа. За историческим зданием высокие ели в лесу окрашивали горизонт в мрачно-зеленый цвет. Дикая красота этого зрелища вызвала во мне настолько ошеломляющее чувство, что я остановилась в движении, дабы запомнить это впечатление. Легкий ветерок целовал мои щеки. Губы растянулись в улыбке.

Позади послышались приближающиеся шаги. Я оглянулась через плечо и увидела молодую женщину. Ее волосы были сказочно красивы, как шерсть у лисы. Она шла ко мне, а я только и могла, что смотреть, какие невероятно длинные у нее ноги и как ангельски она улыбалась. Эта женщина тоже была одета в ужасную форму колледжа, но на ней одежда сидела просто идеально.

– Привет, – сказала она.

Я удивилась.

– Эм, привет?

– Ты маленькая.

Простите, что? Неужели все люди в Тихом Ручье были такими навязчивыми и грубыми? Подумав о своем деде, я решила, что едва ли. Казалось, эта девушка просто была экстравертом.

– Э-мм, – повторила я, на этот раз очень растягивая звуки. – Метр пятьдесят восемь. Выше зубра и почти такой же длины, как тюлень.

– Кто такой зубр?

– Бык.

– Интересно. – Она сияла, и, казалось, затмевала само солнце. – Я Изобель.

– Хелена.

– Я знаю.

Я заморгала.

– Откуда?

– Это же Тихий Ручей. Слухи разлетаются быстро, знаешь. – Изобель так внимательно смотрела на меня, что возникло ощущение, будто мне делали рентген. В конце концов девушка указала подбородком на пиджак, который висел у меня на плече. – Ты должна надеть его. В противном случае могут возникнуть проблемы с председателями студенческого союза.

– Seriously?

– Seriously. Это очень целеустремленные студенты, которые крайне ответственно относятся к своему заданию.

Вздыхнув, я бросила сумку на землю и надела пиджак, прежде чем снова перекинуть ремень через плечо.

Мы продолжили идти. Изобель присоединилась ко мне. Казалось, она больше не хотела отходить от меня ни на шаг. С одной стороны, это сбивало с толку, но с другой – я была благодарна.

– Какая у тебя специальность?

– История. – Двое других студентов обогнали нас. Они мельком бросили на меня любопытный взгляд. Я сглотнула. – А у тебя?

– Психология. Третий семестр.

Мы подошли к каменному проходу. Его деревянные двустворчатые двери были открыты, словно приветствуя нас, и мы вместе вошли во внутренний двор. Узкая асфальтированная дорожка обрамляла квадратную зеленую лужайку, на которой суетились студенты; все были одеты в одинаковую форму. Вместе они напоминали муравейник, собирающийся вокруг липкого мороженого.

– Безумие, – пробормотала я. Мой взгляд исследовал фасад замка, который хранил в себе истории прошлых веков. Искусно выполненные арочные окна располагались в ряд, чередуясь с остроконечными эркерами, выступающими из стен. Мне пришлось запрокинуть голову, чтобы получить возможность посмотреть на башни. – Это не может быть колледжем.

– Добро пожаловать в Тихий Ручей. – Казалось, Изобель позабавила моя реакция. – Город, в котором все по-другому.

Я крутилась вокруг своей оси, разглядывая каждый миллиметр исторического сооружения, когда почувствовала, как пальцы Изобель обхватили ткань моего пиджака. Она отвела меня в сторону, чтобы дать пройти рыжеволосому студенту.

– Спасибо, – пробормотал он в сторону Изобель. Парень пошел было дальше, как вдруг обернулся через плечо. Он остановился и посмотрел на меня. – Ты новенькая, не так ли?

– Да. – Я сжала свою джутовую сумку. – Хелена.

– Круто. – Пальцы рыжеволосого играли с кончиком галстука, в то время как его взгляд скользил по мне дольше, чем это было положено. Изобель прищелкнула языком.

– Что-нибудь еще?

– Нет. – Он одарил меня широкой улыбкой. Наконец парень указал на здание. – Мне пора идти. Может быть, мы еще увидимся, Хелена.

– Определенно.

Изобель подождала, пока он не скрылся за проходом, ведущим в другую часть двора. Затем сморщила нос.

– Просто не верь ему.

– Он кажется милым.

– Да. Пока не получит то, что хочет.

– Все настолько плохо?

– Настолько плохо.

– Так он один из тех парней, кто считает своей миссией затащить каждую студентку в койку?

– Ну, он не спит с ними.

– Не спит?

– Мерлин живет по строгим католическим правилам. Никакого секса до брака. Но он любит пробовать все остальное.

– Откуда ты это знаешь? – Сначала я колебалась, но Изобель была очень откровенна со мной, так что, думаю, я могла говорить с ней так же откровенно. – Между вами что-то было?

– Бог с тобой! – Лицо Изобель снова скривилось. – Нет, он рассказывает мне.

– Рассказывает тебе? – Я была сбита с толку. – Почему?

– Он мой брат.

– Оу.

– Да. – Она вздохнула. – Я тоже так реагирую каждый раз, когда вспоминаю об этом. – Она указала на массивные двойные двери из дерева. – Это вестибюль. Я бы пошла с тобой и показала колледж, но я состою в команде по плаванию, и тренировка начинается в... – Она посмотрела на свои наручные часы и скривилась. – Сейчас. Она начинается сейчас. Проклятие! – Изобель подняла взгляд. – Встретимся за обедом?

– С удовольствием. Где?

Она уже почти пересекла лужайку, когда обернулась ко мне через плечо.

– В столовой!

– Где она?

Но Изобель уже была на другой стороне двора и больше не слышала меня. Немного расстроившись, я опустила плечи, открыла сумку и порылась в ней в поисках информационного письма.

«Уважаемая мисс Иверсен, – пробормотала я. – Ваш студенческий номер, личный шкафчик, карточка питания... – вот оно. – Ваш куратор с нетерпением ждет встречи с вами... Награды, высшие оценки...» – Я просмотрела хвалебные слова в адрес парня, который учился на два семестра старше, и постаралась запомнить номер шкафчика – 280. Судя по моим наручным часам, я должна была встретиться с ним через десять минут.

Вестибюль был прохладным и довольно внушительным. Широкая лестница с изогнутыми перилами вела на второй этаж. Оттуда можно было подняться на более высокие этажи замка. Мой взгляд блуждал по богатой отделке стен: каменные крылатые существа и воины возвышались над двумя круглыми арочными проходами по обе стороны от каждого. Они смотрели на меня свысока, словно осуждая каждый шаг. Пришлось заставить себя отвести взгляд от архитектурных деталей и вместо этого обратить внимание на выгравированные номера шкафчиков.

Я шла вдоль этих рядов, мимо усталых лиц моих сокурсников. Они угрюмо запикивали книги в свои сумки или рассматривали недавно нанесенный слой блеска для губ в зеркале своего шкафчика. 274, 276, 278... вот оно!

Здесь еще никого не было. Я огляделась по сторонам. Нервным жестом провела ногтем большого пальца по ориентировке. Подобие улыбки появлялось на моих губах всякий раз, когда кто-то проходил мимо. Почти никто не отвечал взаимностью. Большинство из них хмурились, пересекаясь со мной взглядом, прежде чем отвернуться. Я нетерпеливо стучала носком ботинка по мраморному полу, поворачивалась слева направо, шагала по проходу; ждала, чуть ли не умирая от нервозности, ждала дальше...

– Прочь с дороги.

Голос, должно быть, имел в виду меня; он прозвучал слишком близко где-то позади. Я обернулась и вздрогнула, случайно разорвав свое ориентировочное письмо.

– Оу, – выдавила я. – Ты.

– Оу. – Выражение его лица было бесстрастным. – Я.

Это был тот парень, который сидел на дереве, словно обезьяна, и наблюдал за мной. Я уставилась на него в недоумении. С одной стороны, потому что мне было трудно поверить, что

я снова вижу его здесь, потому что он *сидел на дереве и наблюдал* за мной. А с другой стороны, потому что меня переполняло странное чувство.

Я смотрела на симметричные черты его лица и чувствовала, что знаю его. Что-то шевельнулось внутри меня, но я решила не обращать на это внимания. И, к сожалению, мне пришлось признать, что эта зазевавшаяся обезьяна была чрезвычайно привлекательна. Конечно, он ни минуты не позаботился о своей прическе, потому что его волосы были спутаны, словно этот тип только поднялся с постели. Тем не менее волосы выглядели настолько идеально, что мне захотелось протянуть руку и провести по этим иссиня-черным прядям. Я хотела выяснить, были ли они такими же мягкими, как выглядели.

Он заметил мой взгляд, и в его карамельно-золотистых глазах что-то вспыхнуло. Они были неестественно яркими. Мне стало любопытно, носил ли он контактные линзы. Родинки усеивали левую половину лица парня. Я пересчитала все. Их было семь. Какое красивое число. Почти такое же красивое, как он сам.

Пока я разглядывала его, парень нахмурил свои густые черные брови. Но у меня не было времени на что-то столь банальное, как брови, потому что – о боги – его губы! Насколько идеальными вообще могут быть надутые от недовольства губы?

– Ау?

Я моргнула.

– Что?

– Исчезни.

– Но... – Мне потребовалось время, чтобы вырваться из своего наваждения, в котором я смотрела на него и представляла свадьбу своей мечты. Я медленно покачала головой. – Я должна кое с кем встретиться здесь.

Незнакомец уставился на меня в ответ. Прошли секунды. С каждым мгновением у меня во рту становилось все суше. У него перекошилось лицо. Наконец парень оттолкнул меня в сторону и принялся крутить колесико шкафчика. Да, в самом деле. Он просто оттолкнул меня в сторону!

Мне потребовалось какое-то время, как вдруг...

– Это *твой* шкафчик?

– Нет. – Он дернул дверь, которая, казалось, заклинила. Она открылась с лязгом. – Мне просто очень хочется украсть чужие бутерброды. Такой прилив адреналина.

– У тебя что, какие-то проблемы?

Безрадостный смех сорвался с его губ. Он достал две книги и закрыл дверцу шкафчика. Выражение лица молодого человека было суровым.

– Ты появляешься здесь, как будто тебе так легко все дается. Как будто все портить в твоей природе. – На его челюсти дернулся мускул. – Но чего еще ожидать от Иверсенов?

– Может быть, ты начнешь говорить прямо, прежде чем очередная чушь вырвется из твоего рта? – Я была сбита с толку. – Что, черт возьми, я могла испортить, просто находясь перед твоим шкафчиком?

Мои слова наконец вызвали у него какую-то реакцию. Всего лишь на мгновение на лице парня появилось минимальное выражение удивления, прежде чем черты его снова сделались жесткими.

Он имел в виду не шкафчики, Елена.

Не говоря ни слова, он развернулся и оставил меня в одиночестве. Я была так озадачена, что смотрела ему вслед с открытым ртом.

– Эй! – Я уклонилась от студента, который шел навстречу, и последовала за парнем. – Подожди!

Он не стал ждать. Напротив. Его шаги набирали темп, а мои ноги были слишком короткими, чтобы не отставать. Я бросилась вдогонку за этим типом, перепрыгивая сразу через две

ступеньки. Звук подошв этих неуклюжих ботинок эхом отражался от высоких стен. Я изо всех сил старалась не терять его из виду среди одетой в одинаковую форму толпы. В конце концов я догнала его на лестничной площадке. Вдохнув, протянула руку и схватила его за плечо. То, что случилось потом, произошло так быстро, что я едва успела это осознать.

Он развернулся. Челюсть парня была напряжена, а в глазах появилось выражение, которое я уже никогда не забуду.

Он смотрел на меня так, будто я была его врагом.

Грубые пальцы сомкнулись вокруг моего запястья. Рывком парень скинул мою ладонь со своего плеча и притянул мое тело вплотную к себе. Лицо парня было так близко, что я смогла разглядеть еще одну родинку над изгибом его верхней губы.

Восьмая была крошечной.

Я почувствовала его дыхание на своей коже. От него очаровательно пахло. Уникальный аромат ели и корицы. Я любила корицу. Она опьяняла меня. Он опьянял меня. Никогда еще я не чувствовала в себе столько отторжения и влечения в равной степени. Кончик его носа коснулся моего. Мое сердце бешено заколотилось. Казалось, я вот-вот умру.

Он произнес эти слова, выделяя каждый слог.

– Никогда. Больше. Не. Смей. Меня. Касаться.

– То же самое относится и к тебе.

Дуэль наших взглядов длилась так долго, что я начала считать секунды. Казалось, прошла целая вечность, когда мозолистая кожа его пальцев соскользнула с моего запястья. Мое дыхание участилось.

– Ты мой куратор. – Слово защищаясь, я поднесла к его лицу разорванное информационное письмо. Он даже не взглянул на него.

– Я не тот, к кому ты можешь обращаться хоть как-то, Хелена.

Откуда он знал мое имя?

– Ты это серьезно? – Я подумала, этот тип шутит, но его напряженный рот говорил об обратном. Я фыркнула. – Прекрасно. Просто прекрасно! И именно *тебя* назначили моим куратором. Боже мой.

– Найди другого.

– Я никого не знаю!

– Это не моя проблема.

– Ты что, издеваешься надо мной? – Крылья моего носа вздулись. Письмо в руке задрожало. – Здесь написано, – медленно проговорила я дрожащим голосом, – что ты был в радостном ожидании встречи со мной.

– Опечатка. – Уголок его рта бесконтрольно дернулся. – Я в радостном ожидании, чтобы снова избавиться от тебя.

– Ах, как смешно.

Он ответил не сразу. Впервые с тех пор, как мы заговорили, я заметила, как взгляд этого парня прошелся по моему лицу и остановился на лбу. Это привело меня в бешенство.

– Прекрати это.

– Что?

– Я хочу, чтобы ты перестал пялиться на мой ожог, как будто я сморщенный голый землекоп! – Он отступил на шаг и... ухмыльнулся.

– Сморщенный голый землекоп?

Я вздохнула.

– Просто скажи мне, где находятся лекционные залы.

Очень медленно, как будто секунды проносились в замедленной съемке, он наклонил голову. Следующие слова парень прошептал, но я чувствовала такую власть, такое превосходство, что по моим рукам побежали мурашки.

– Что толку в том, если я это сделаю?

И с этими словами он развернулся и направился вверх по лестнице. Толпа учащихся поглотила его. Солнечный свет, падающий через высокое окно, преломлялся на черных волосах грубияна. Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся за следующим углом. Только тогда я выдохнула, хотя и не осознавала, что задержала дыхание.

Я провела рукой по лицу и огляделась. Вестибюль опустел, последние студенты бежали мимо меня вверх по лестнице. Мой взгляд метнулся к огромным часам на стене напротив. Первый блок начался несколько минут назад. Я выругалась.

– Ну и ну, – чей-то голос раздался надо мной. Я подняла глаза. Мерлин нагнулся через балюстраду верхнего этажа, его руки обхватили перила с обратной стороны. Рыжие пряди молодого человека были аккуратно зачесаны назад. – Какие слова из твоих сладких уст, Хелена.

Хоть Мерлин и был бабником, я почувствовала облегчение, увидев его. Я быстро подошла к нему.

– Не мог бы ты подсказать мне, где я могу найти помещения для семинаров?

Он оперся бедром о перила, чтобы повернуться ко мне.

– Какое из них тебе нужно?

– Секундочку. – Я рылась в своей сумке, пока не нашла расписание. – Здесь написано, что в западном крыле.

Мерлин положил руку мне на спину и развернул меня в противоположном направлении. Было трудно не заметить, как его большой палец провел по моей лопатке.

– В конце коридора налево, потом последняя дверь. Большая.

– Спасибо!

– Теперь я хоть немного на хорошем счету?

Он посмотрел на меня таким взглядом, как будто надеялся прямо сейчас заняться непотребствами за старинным гобеленом. Моя аллергия на пыль была бы очень довольна.

– Угостить тебя кофе?

– Не совсем то, на что я надеялся, но, – он усмехнулся, – звучит тоже неплохо, Хелена.

Я повесила свою сумку на плечо. Мне не понравилось, каким тоном он произнес мое имя.

– Увидимся.

– Конечно. В любом случае.

Мерлин не мог быть еще более похожим на свою сестру. Я поспешила уйти от него. Мои шаги эхом раздавались в пустом коридоре. Он тянулся целую вечность и казался коридором собора. Последние несколько метров я прошла, скользя подошвами по мраморному полу, пока наконец не достигла большой двери. Искусные железные петли украшали дерево; кверху дверь заострялась. За ней раздавался вялый голос профессора. Я взялась за чугунную ручку. Мое сердце колотилось у самого горла. Глубоко вдохнув, я открыла дверь.

Зал лишил меня дара речи. Он был извилистым, с опорными балками, ведущими от одной стены к противоположной в виде высокого свода. Пространство заполняли деревянные парты со встроенной скамьей. Люстра на длинных латунных ножках отбрасывала тусклый свет на головы немногочисленных студентов. Они все уставились на меня.

– Извините. – Я пробежала мимо пожилого профессора, на котором красовались твидовый жилет и галстук-бабочка, стараясь изо всех сил держать взгляд прямо. В третьем ряду я обнаружила свободное место, быстро села, достала из сумки свои книги и положила их перед собой. Сняв пиджак, я поняла, что вспотела. Мои щеки горели.

– Ну, хорошо. – Профессор достал из кармана жилета льняной носовой платок и вытер лоб. Он указал на презентацию позади него, которую показывал проектор. Чертов проектор! Он казался таким неуместным в этом месте. – Давайте продолжим изучать биографию Марии Стюарт. Мы остановились на ее возвращении в Шотландию после того, как муж Марии скончался. Ее путь пролегал через французский портовый город Кале...

Спустя несколько секунд мне стало ясно, что голос профессора обладал усыпляющей способностью. Я изо всех сил старалась его слушать, но, бог свидетель, это было невозможно. Вскоре мои мысли были уже далеко отсюда. Я думала о Натаниэле, который жил в грязном хлеву и не хотел, чтобы ему помогали. Я думала об Изобель и ее идеальном лице без пор и ожогов. И я думала о дерзкой обезьяне-сталкере. Короче говоря, думала о чем угодно, но только не о Марии Стюарт.

Через пять минут я была вынуждена признать, что мои амбициозные планы потерпели крах. Я разложила перед собой толстый том истории Шотландии и выудила из кармана мобильный телефон. Разумеется, сквозь эти толстые древние стены не проникало нормальное интернет-соединение. Я недовольно прикусила нижнюю губу, глядя на серую полосу загрузки.

Еще до приезда сюда я зарегистрировалась в онлайн-архиве, где могла больше узнать о предках. Я не знала, сохранилось ли хоть что-нибудь о моей матери, и до сих пор боялась копать глубже. Трудно сказать, что меня сдерживало, ведь именно по этой причине я приехала сюда. Мне пришлось продать дом моего детства, чтобы осилить непомерную плату за обучение в колледже. Я бросила все, чтобы узнать, кем была моя мать, – только для того, чтобы теперь поджимать несуществующий хвост в страхе перед онлайн-архивом. Дальше так продолжаться не может.

Я перекинула пряди волос через плечо, набирая данные мамы, и стала ждать, уставившись на полосу загрузки. Это было ужасно. Тем временем профессор рассказывал о лорде Дарнли и о том, как Мария вышла за него замуж, прежде чем убить. О боже, как это оскорбительно! Наконец страница прогрузилась. Мое сердце колотилось. И результаты показали... Ничего. Никаких результатов по запросу «Сифра Иверсен». Я откинулась на спинку скамейки. Мои плечи поникли.

– Простите, что прерываю, профессор Робертсон. Но это утверждение – чушь чистой воды.

Телефон выскользнул из моих пальцев. С глухим стуком он приземлился на парту. Головы остальных студентов повернулись, но я смотрела только в одном направлении. Справа от меня сидела обезьяна-сталкер. Как я могла упустить его из виду? Закатанные рукава рубашки плотно прилегали к коже выше локтей. Чернила татуировок покрывали его предплечья, словно черная кровь. Слева красовался затененный дракон; у него были уши летучей мыши и огромные мраморные глаза. Другую руку парень спрятал за своей книгой. На обложке я разглядела ворону – грубый набросок в скетчбуке.

– Что вы хотите этим сказать, мистер Бернетт?

Ага. Бернетт, значит. Эта фамилия ему подходила.

Сталкер с повадками обезьяны положил руки на парту и наклонился вперед. Одна прядь упала на его лоб. Профиль Бернетта был идеальным. Я ненавидела себя за эту мысль. Этот парень был настоящей катастрофой. Однако утверждение, что он не был крайне привлекательным, являлось бы откровенной ложью.

– Вы представляете Марию Стюарт в таком свете, будто она являлась прекрасной королевой, которая любила всех и была любима всеми. – Он небрежно откинулся на спинке скамейки. Бернетт балансировал шариковой ручкой между большим и указательным пальцами. От меня не ускользнуло, как томно мои сокурсницы пялились на него. – Конечно, народ почитал ее, но мне кажется грубым невежеством изображать Марию Стюарт святой.

Профессор Робертсон смотрел на него. Большой палец пожилого мужчины скользил по маленькому пульту дистанционного управления, который он использовал для переключения презентации.

– И что же привело вас к такому предположению, мистер Бернетт?

– Факты, сэр. – Он положил ладонь на книгу в льняной обложке, как будто в ней были все ответы. – Деяния Стюарт неоспоримы, но она выдавала себя за невиновную. Мария вела себя

так, словно являлась мученицей. Я, в свою очередь, думаю, что «тиран» было бы куда более подходящим термином для ее описания.

В зале воцарилась гнетущая тишина. У кого-то сломался грифель карандаша. Профессор Робертсон открыл было рот, чтобы что-то сказать, но я опередила его.

– Именно такие предубеждения и привели к ее казни. – Я достала камень в виде дракона из кармана юбки, погладила его по ушам, чтобы успокоиться, и выпрямилась на своей скамье. Я старалась не обращать внимания на свои пылающие щеки. – Мистер Бернетт является ярким примером надменных людей прошлого, которые выносили суждения о Марии Стюарт. Как можно презирать людей, не зная их? Никто, черт возьми, понятия не имел, кем являлась эта женщина.

Профессор Робертсон снова открыл рот, но сталкер-обезьяна оказался быстрее. Его скулы покраснели.

– Факты имеют за собой доказательную базу. Делать выводы из этого вовсе не предвзято. Мария была интриганкой. Убийцей! Она вернулась в страну, которая, как она считала, являлась ее домом. Но она не имела права появляться в Шотландской империи после стольких лет и везде сеять хаос.

– Она была шотландкой! Что она могла поделать, если ее родители решили покинуть страну?

Уголки его рта скривились. Бернетт не смотрел на меня. Он пристально смотрел на профессора Робертсона.

– Ее родители должны были столкнуться с последствиями своих собственных действий. Если бы они не вмешивались в политику и не вынашивали коварные планы, возможно, что-то и вышло бы из Марии. – Он поморщился. – *Возможно.*

Не из Марии. Из меня. Он знал, что я давно поняла двусмысленность его слов. То, что Бернетт говорил обо мне, меня не интересовало. Но о моих родителях...

Его словесные нападки на них вызвали у меня слезы на глазах. Мой подбородок дрожал, пока я пыталась сдержать их. Я сглотнула. Комок в горле умолял меня сдаться. Но ни за что на свете я бы не доставила этому типу такого удовольствия. Я встала, бросила пенал, телефон и блокнот в свою джутовую сумку и взвалила ее на плечо. Трясущимися пальцами я схватила книги и пиджак.

Все в зале наблюдали за мной. Никто не произнес ни слова. Деревянные половицы скрипели под моими ногами. Я остановилась перед партой Бернетта, положила руки на парту и наклонилась вперед. Он даже не вздрогнул.

– Ты и дьявол, – прошипела я, пристально глядя в его светлые глаза и злобно сжав губы, – ты и он, Бернетт, вы являетесь частью единого целого, и ничто светлое в этом мире не смогло бы это изменить.

Уголок его рта дернулся. Как будто все это было не более чем игрой. Как будто мой гнев был чем-то, что доставляло этому парню удовольствие. Забавляло его. Казалось, Бернетта не беспокоило, что все присутствующие глазели на нас. Никто нас не прерывал, даже профессор Робертсон. Разумеется, нет. В этом смысле люди были на удивление подвержены стадному инстинкту.

– Вот так значит, да? – Он наклонил голову. Уголок его рта дернулся в усмешке. Бернетт наклонился вперед. Теперь нас разделяло всего несколько миллиметров. Следующие слова он произнес шепотом. – Смотри внимательно, Иверсен. Присмотрись, и я убежден, просто свято уверен, что ты обнаружишь немало сходств между дьяволом и собой.

Его слова были острыми когтями, которые сжали мое сердце. Мы устроили немую дуэль взглядами. В глазах Бернетта плясали бронзовые отблески. Мне они были знакомы. Я не знала, откуда, но они были мне знакомы.

– Катись к черту, – прошипела я и ушла.

* * *

Остаток дня я провела, гуляя по высокогорью. Это означало, что я пропустила остальные лекции, не пришла на встречу с Изобель и, наконец, выбросила свои благие намерения за борт. Ветер пробивался сквозь солнечные лучи, охлаждая мой разум. Это было настоящим удовольствием для головы, учитывая то, какой хаос сейчас крутился в моих мыслях. Бесконечные просторы шотландской природы оказали свое воздействие, рассадив значительную долю умиротворяющих мыслей по мрачным закоулкам моего мозга.

Время пролетело незаметно. Прошло несколько часов, прежде чем я оказалась на пути домой. Среди ослепительно зеленых окрестностей время, казалось, не существовало. Наверное, я могла бы потратить всю ночь, наполняя свои легкие свежим воздухом дикого нагорья, но мой желудок неумолимо урчал, а мышцы протестовали против тяжелого веса книг в джуповой сумке. Кроме того, в мыслях промелькнуло лицо моего деда, который настаивал, чтобы я была дома к ужину.

Я последовала обратно в Тихий Ручей по указателю. Он повел меня по узкому переулку, окруженному разноцветными покосившимися домами. Каменные фасады дополняли деревянные балки. Особенности построек поражали. Казалось невозможным насмотреться на эти кривые стены. Некоторые из них настолько покосились, что создавали гипнотический эффект. Я бродила по узким улочкам, которые теперь тянулись между домами, пока вдруг...

Я резко остановилась, услышав позади себя какой-то шум.

Какой-то грохот, нарушивший царившую до этого тишину. Нервозность охватила меня, неприятное чувство пробралось в самое сознание. Я повернула голову и огляделась, пытаюсь разглядеть хоть что-то в тусклом свете заходящего солнца. Ничего. Я вынула дрожащие руки из карманов пиджака и остановилась. Мой взгляд спешно исследовал все вокруг, проверяя каждый дюйм. Абсолютная тишина. Кровь шумела в ушах. Но все же...

Вот, опять что-то! Какое-то движение рядом со мной. Хватая ртом воздух, я интуитивно отпрянула назад, прежде чем наткнулась на пару светло-зеленых мраморных глаз. Мое лицо расслабилось.

– Ну и напугала же ты меня. – Я положила одну руку себе на грудь и сосредоточилась, пытаюсь успокоить дыхание. На пороге розового дома сидела белая кошка-сфинкс. Она странно на меня смотрела, как будто хотела что-то сообщить.

– Мы не знакомы, не так ли? – Медленным, осторожным движением я присела на корточки, положила локти на бедра и встретилась с ней взглядом. – Хелена Иверсен. Я новенькая в Тихом Ручье. Мой дедушка живет на вершине утеса. Натаниэль. Может быть, это имя тебе о чем-нибудь говорит... – Я сделала маленький шаг вперед. Кошка зашипела. Я попятилась назад. – Тс-с-с. Я добрая. По крайней мере, большую часть времени. Мой папа всегда говорил, что я похожа на лебедя. Защищающая и любящая. Хладнокровная, когда приближается угроза. – Кошка встряхнулась, прежде чем ударить лапой. – Что не так, тебе не нравятся лебеди? – Небольшая улыбка появилась на моих губах. – Мне тоже. Они ужасны, не так ли? – Я наклонила голову и посмотрела вдаль, на высокогорье. Сквозь облака пробивалась розовая вуаль. Испуг ушел, но некоторое беспокойство осталось. Солнце прощалось. Пора было двигаться дальше.

С моих уст сорвался вздох.

– Наверное, мне следовало бы пожелать тебе удачи в предстоящей охоте на мышей, но я этого не сделаю. Мыши милые, у них есть сердце и, конечно же, семья, так что я надеюсь, что ты их не поймаешь. – Я улыбнулась. – До скорой встречи, кошечка.

Кошка издала жалобный вопль. Еще один, когда я была уже поодаль. Желудок урчал, пока мои шаги раздавались на узкой улице.

Внезапно кто-то толкнул меня. Я начала задыхаться, когда широкие руки сомкнулись вокруг моей шеи и с силой прижали меня к каменной стене дома. В нос ударил резкий запах виски в сочетании с сильной ноткой табака. Руки сильно сжали мое горло. Яркие цвета домов слились в пеструю мозаику. В панике я хватала ртом воздух. Безуспешно.

– Ну и чем теперь занят твой нахальный ротик, малышка? – В глазах моряка, которого я увидела сегодня утром, горело безумие. – Уже не такая смелая, а?

Мои глаза наполнились слезами. Я молча боролась за возможность вздохнуть. Мой инстинкт самосохранения отчаянно пытался заставить ноги двигаться. Я хотела ударить его коленом в пах, пнуть по голени, сделать что-нибудь, но он прижал меня своим массивным телом, лишив возможности пошевелиться.

Том рассмеялся.

– Такая беспомощная. – Кончик его языка лизнул мои губы. Рвотный позыв охватил меня, смешиваясь с желанием наполнить легкие кислородом. Я завертела головой в обе стороны и захныкала, как вдруг почувствовала опасно острое лезвие на своей щеке. Внезапно я остановилась.

– Шшш, – прошептал он, приблизившись к моему рту, – не упрямясь, малышка, не упрямясь. Мы же не хотим, чтобы я испортил последний кусочек твоей безупречной кожи.

Кончик его ножа обвел линию моего подбородка. Спустился к горлу. Я отчетливо ощущала его присутствие. Одно неверное движение, и оно проткнуло бы меня. Лезвие коснулось нежной кожи, под которой пульс забился в бешеном темпе. Я зажмурила глаза и подумала о морских брызгах, подсолнухах и смехе моей мамы – обо всем, что могло бы мне помочь пережить этот момент.

Но в ту секунду, когда Том пошевелил рукой, чтобы усилить давление, он был отброшен от меня с невероятной жестокостью. Я осела на асфальт. Острая боль пронзила колени. Лишь смутно до меня доносились стоны боли, которые издавал напавший на меня моряк. Кровь пульсировала в черепе. Чистая, неподдельная паника затопила мои вены, заставляя сердце бешено колотиться о ребра. Я жадно втянула воздух и закашлялась.

Я подняла взгляд, но волосы беспорядочно свисали на мое лицо. Я увидела лишь силуэт, очертания которого были окрашены красно-золотыми лучами заходящего солнца.

Мое дыхание участилось, горло стало похоже на грубую наждачную бумагу. Чувствуя невероятную слабость, я подняла одну руку, чтобы заправить пряди волос за уши и освободить себе обзор.

Рядом с зеленым домом, на пороге которого я минутами ранее разговаривала с кошкой, животом кверху лежал толстый моряк. Он кричал и извивался. Его пальцы скребли по брусчатке, а черты лица были искажены болью. Над Томом, стоя на одном колене, склонился человек в черном пальто с отложным воротником. Подобного рода одежда еще сто лет назад выдавала бы в нем богатого городского парня. Его лицо оставалось в тени, но бледные пальцы незнакомца, исследующие слегка изогнутый позвоночник нападавшего, казались светом в темной ночи.

Что, черт возьми, здесь произошло? Он избил его? Он чем-то оцарапал его кожу? Да, я так и думала. Он чем-то царапал его позвоночник! Но мне было трудно различить силуэты этих двоих в клубящемся тумане.

От душераздирающего крика, вырвавшегося из горла Тома, по моей коже побежали мурашки. Я не осознавала, что пятилась назад, пока моя спина не уперлась в прохладную каменную стену дома, что находился позади меня. Дрожа, я положила руки на колени и прислушалась к мучительным воплям. Судя по всему, Тома пытали. Его крики растворялись над крышами Тихого Ручья.

Раздался еще один жалобный вопль, прежде чем Том умолк.

– Он... – Из меня вырвался сдавленный хрип. – Я имею в виду... ты... его...

Незнакомец выпрямился. Тусклый свет заката падал на его бледную кожу. Он повернулся и посмотрел на меня. Розовый свет закатного неба покрывал поцелуями каждую из родинок на левой половине его лица, заставляя их сиять так, как если бы они были давно забытым созвездием, темной тушью на белом холсте. Такое лицо было невозможно забыть.

И, бог свидетель, я не забывала его. Ни на секунду, несмотря на то что я умоляла себя об этом.

Бернетт склонил голову. Его губы растянулись в усмешке.

– Иверсен, Иверсен, Иверсен. – Он приближался ко мне. Безукоризненная грация сквозила в его движениях; Бернетт обладал харизмой аристократа. Когда он оказался так близко, что у меня возникло желание протянуть руку и провести пальцем по его выступающим скулам, он присел на корточки. Наши взгляды встретились. Я потерялась в ярком коричневом цвете его радужек – таких же диких и необузданных, как танцующие ветви деревьев в самую бурную ночь. – Если бы мне было позволено убивать, *maledictus pulchritudo*... мой выбор пал бы на тебя.

Слова, которые он произнес этим вечером – тихо, почти шепотом, – перевернули мой мир.

– Это неправда. – Я не могла отвести от него взгляда, не в силах прогнать мурашки, которые покрыли мою шею при звуке незнакомых слов. Симметричные черты его лица производили на меня гипнотизирующее действие. Плохой знак, потому что этот парень был злобным. Тем не менее я чувствовала, что его привлекательность меня пленила. Тем не менее я не могла отвести от него взгляда. – Тогда ты бы не стал спасать меня, если бы...

Было что-то хищное в его ухмылке в этот момент. Бернетт приложил палец к моим губам. Он был холоден как лед.

– Тихо, Иверсен, тихо. В противном случае может сложиться впечатление, будто ты утверждаешь, что знаешь меня. И это, – его усмешка исчезла, – было бы ужасной, ужасной ошибкой.

Прежде чем я смогла осмыслить его слова, он поднялся и исчез в сгущающейся темноте.

Тираэль

Звук закрывающихся дверей эхом разнесся по фойе.

Мой разум был смятен, и я был взволнован. Того, что произошло на Кривом проспекте, не должно было случиться. Стоило поблагодарить богов за вечерний туман. У Хелены не было ни малейшего представления о том, что случилось с Томом. Она не могла видеть мою силу. Тем не менее это было безрассудно. И глупо. Так невероятно глупо!

Я накинул пальто на трехногий гардероб, отделанный черным деревом, который более века принадлежал семье Бернеттов. Плотной утрамбованная земля осыпалась с подошв моих кожаных ботинок, испачкав мозаичный узор светлых плиток. Намек на улыбку промелькнул на моих губах, когда я подумал о выражении лица Дидре, прежде чем она бы бросила неодобрительное «*Katsu*» в мою сторону. *Грязнуля*.

Азлатский был древним языком. Мы считали его священным. Отдаленно он напоминал латынь, но с ней нельзя было сравнивать. Перевод азлатских слов на современный язык был суверенным запретом нашего закона. В прошлом предпринимались попытки получить одобрение власти на перевод книг, но они ни к чему не привели. Верховные оставались непреклонны.

In regiment mits pakis. Полк приносит мучения, чтобы ты выжил.

С первого этажа доносились голоса. Я поднялся по правым ступеням двойной лестницы, проведя кончиком пальца по гладко отполированному красному дереву центральных перил. На лестничной площадке мой взгляд остановился на часах. Кончик большой стрелки горел, но это было не всепоглощающее пламя. Оно оставалось спокойным до тех пор, пока стрелка не достигала сегодняшней фазы луны. Убывающий полумесяц. Раскаленный наконечник собирался угаснуть. Это могло произойти в любую минуту.

Я опоздал – и признал это с усмешкой.

Я не торопился, прогуливаясь по длинному коридору мимо любимого чайного столика Бабы Грир. Я случайно задел его ногой. Фарфоровая чашка, украшенная нежными цветами, упала на пол. Это была ее любимая чашка.

– *Bljersk!* – Проклятие слетело с моих губ, и не прошло и секунды, как безжалостный, неодобрительный взгляд Валериана Бернетта впился в мои глаза. – Прошу прощения. Этого больше не повторится, *nok'nok*.

Он знал, что я солгал. *Nok'nok* – прадед – Валериан был в курсе всего, что происходило в первом левом крыле замка – ведь прошло почти целое столетие с тех пор, как была установлена золотая рама с изображением его лица, написанного акварелью в несколько слоев.

Я закатил глаза.

– Хотя бы один раз сделай вид, что поверил мне.

Я мог бы поклясться, что услышал его фырканье, доносящееся из коридора. Мои пальцы сомкнулись на прохладной латунной ручке двустворчатой двери, которая принадлежала давно забытым временам. Когда я открыл дверь, разговоры стихли. Каждая пара глаз в салоне была устремлена на меня.

– Тираэль! – Моя мать поднялась с бархатного кресла с красной обивкой. Изящно и грациозно она выпрямилась, и кончики ее иссиня-черных волос коснулись пояса обтягивающих кожаных брюк. Эльсбет Бернетт излучала такую власть, что, казалось, вся комната пульсировала. – Где ты пропадал? Ты сводишь меня с ума! Однажды я все-таки оторву тебе голову.

Усмешка на моих губах стала шире. Я подошел к приставному столику и взял пралине из фарфоровой чаши.

– Умоляю тебя. Так часто ты расстраиваешься из-за того, что Кора и Арчи совершенно не похожи на тебя. – Небрежно прислонившись к каменному камину, я скрестил ноги и с вызы-

вающим спокойствием принялся за обертку от шоколадных конфет. – Ты бы никогда не рассталась с единственным сыном, который унаследовал твою красоту, *маё*.

Черты ее лица смягчились. На нашем языке «*маё*» было чрезвычайно ласковым словом, чтобы назвать матерей. Обычно им пользовались маленькие дети. Взрослым не хватало этой нежной черты характера. В этом мире царил естественный отбор, и чувствительное сердце являлось самой легкой жертвой в игре, именуемой безжалостной охотой.

– Красота мимолетна, – сказала Кораэль. Она сидела на толстом персидском ковре, положив ногу на ногу, и соскребала средним пальцем черный лак с ногтя большого пальца. Моя сестра наклонила голову так, что концы темных волос коснулись ее скул. – Когда-нибудь ты больше не сможешь использовать свою внешность, чтобы оборачивать все в свою пользу. – Она подняла глаза. Черты ее лица сквозили холодным безразличием. Если бы прямая челка не закрывала лоб черной бахромой, то было бы видно, как одна из ее густых бровей высоко поднялась. – А потом ты приползешь к нам и попросишь, чтобы мы спасли твою задницу.

– Я тронут твоим беспокойством.

– Это не беспокойство.

– Какое облегчение. Я уже испугался, что отныне мне придется осторожно идти по жизни. – Я провел пальцем по линиям фантика. – Какое бессмысленное слово – осторожность.

– Настанет день, когда твое легкомыслие обернется против тебя, брат.

– Возможно. Но мы с тобой знаем, что я все равно выиграю. – Я нахмурился. – Потому что всегда побеждаю. Я Тираэль, ты забыла? – Кораэль открыла рот, чтобы что-то ответить, но Арчибальд опередил ее, фыркнув.

– Неужели вы, *priutas*, не можете хоть раз вести себя так, как вам полагается?

Кораэль прыснула от смеха.

– Не знала, что я мальчик.

Усмехнувшись, я скрутил фантик в шарик и запульнул его в лоб моей сестры.

– Если наш законопослушный принц утверждает, что мы уродцы, значит, так оно и есть. Научись принимать свою судьбу, Кора. – Арчи сверкнул на меня глазами со своего кресла от «Честерфилд». – Сколько раз я говорил тебе не переводить азлатские слова? Когда ты, черт возьми, уже научишься этому, Ти?

– Арчибальд, – прозвучал предостерегающий голос нашего отца. Его широкое тело виднелось у окна, повернутое к нам спиной. Плечом отец касался ткани тяжелых темно-красных бархатных штор. – Не выражайся в доме.

– Вот, значит, как. – Андрогинные черты лица Арчи исказились в неодобрительной гримасе. – Выражаться неуместно, а нарушения закона Тираэлем принимаются без комментариев? – Он издал безрадостный смешок и поднял руки, сдавшись. – Разумеется. Простите мне мою ошибку. Это же Тираэль. Глупо допускать, что мы можем соревноваться на равных.

Далзил Бернетт повернулся к нам. На его пепельно-седых волосах, так не похожих на мои, виднелись залысины. Складка гнева между густыми бровями за его долгую жизнь сделалась такой глубокой, что теперь поселилась там навсегда. Он расстегнул свой льняной жилет, сбросил белую рубашку и снял с крючка у камина черный кожаный комбинезон.

– Хватит, Арчибальд. – Теплый свет люстры освещал шрамы всех форм и вариаций на очерченном торсе моего отца. – Веди себя прилично, или я отправлю тебя с вилами на арену сегодня ночью.

– Далзил! – Моя мать мрачно посмотрела на него, плотно поджав губы. Арчибальд мог вести себя как подонок, но наша мама всегда защищала его. Каждого из нас.

Отец поднял руки в примирительном жесте.

– Все в порядке, Эльс. Давайте оставим это. – Его взгляд скользнул к часам над каменным камином – такого же строения, как и в фойе.

– Кора, ты берешь на себя Банчори. Вместе с Мерлином.

Моя младшая сестра застонала и хлопнула ладонями по ковру.

– Нас же уже ставили вместе на прошлой неделе!

– Мира хочет, чтобы вы положили конец своей вражде. – Мама достала из сумки резинку и подвязала ей свои длинные волосы. – С этого момента вы будете чаще сражаться вместе.

Кора опустила на ковер и съежилась в позе эмбриона.

– Мира может поцеловать меня в задницу.

Далзил остановился прямо посередине своего движения, Эльсбет ахнула, а Арчибальд скривился, как будто собирался убить свою собственную сестру. Усмехнувшись, я взял еще одно пралине и продолжил наслаждаться зрелищем.

Взгляд мамы сделался беспокойным. Ее следующие слова прозвучали шепотом:

– Возьми свои слова обратно, Кораэль! Никто не оскорбляет членов полка – особенно в этом доме! Встань и попроси прощения у богов.

Хотя моя сестра снова застонала, она знала, что этого ей не избежать. Неохотно Кора подняла свои тощие змеиные конечности и сложила ладони. Она подняла голову к небу. Божественное прощение было раздражающим придатком, необходимым для нашего существования.

– *Sridle a déusa*. – Глаза Кору открылись и направились на мать. – Но я ненавижу Мерлина Андерсона, мама! Он глупый и высокомерный сноб.

Прежде чем кто-либо успел что-то ответить, дверь салона распахнулась. Миниатюрная фигура Бабы Грир появилась в дверном проеме. Несмотря на свой небольшой рост, она выглядела устрашающе, а кончики ее взлохмаченных седых волос подметали древний паркет.

– Вы говорите об Андерсонах? – Ее коварная ухмылка обнажила неполный ряд пожелтевших остатков зубов. – Какая очаровательная семья. Настолько очаровательная, что я с удовольствием вонзила бы в их плоть свои ногти и...

– *Mamëm!* – Моя мать в ужасе уставилась на свою, прежде чем снова оглянуться через плечо и посмотреть в окно. – О боги, что за проклятая душа бродит сегодня по нашему дому? Должна ли я напомнить тебе, что закон запрещает сеять раздор?

Грир только пожала костлявыми плечами. Ее темный шелковый халат помялся, когда она шла по салону. Своими огрубевшими пальцами она утатила пралине из моих рук. Грир с наслаждением отправила его в рот, и, когда она заговорила, остатки коричневого шоколада украсили огрызки, оставшиеся от ее зубов.

– Закон... – Ее тон был уничижительным, как будто это слово слетело с ее губ только для того, чтобы Баба могла его сплюнуть. – Дайте мне этот закон, и он верой и правдой послужит мне, пока я буду подтирать задницу.

Я громко расхохотался.

Мой отец обменялся недоверчивыми взглядами со своей женой и расстроено провел рукой по волосам.

– Хватит с меня этого балагана. Кора, ты встретишься с Мерлином в Банчори. – Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но Далзил опередил ее:

– Никаких возражений! Арчи, Изобель ждет тебя в Стонхейвене.

Мой брат-засранец едва заметно кивнул. Он ни на кого не смотрел, когда поднялся и вышел из салона, задрвав подбородок, который красовался на его круглом лице.

– Какая же он королева драмы, – пробормотала Кора. – Его запись в генеалогическом древе нужно поменять. «Арчибальд Искар Бернетт» превратится в «Примадонна века Бернетт». Или нет. «Величайшая дива Бернетт со времен рождения первого потомка с нашим ДНК».

Папа пропустил ее комментарий мимо ушей и повернулся ко мне.

– Тираэль, ты встречаешься с Эмиллем в центре. Он прибудет позже. Инцидент с Элин. Я прислушался.

– Что с ней?

Рядом со мной хрюкнула бабушка Грир.

– От этой малышки у меня мурашки по коже. Нехорошие ощущения.

Моя мать бросила на нашу бабушку еще один неодобрительный взгляд, прежде чем наклониться, схватить Кораэль за руки и выдернуть ее из лежачего положения эмбриона.

– Ничего страшного, – ответил папа. – Она снова играла на скалах и получила небольшую травму. Эмиль вместе с ней у Ансаров.

– Ладно. – Я отлепился от камина и уже почти вышел из салона, когда мать остановила меня.

– Тираэль, еще кое-что. – Ее взгляд встретился с моим. Серьезное, спокойное выражение, с которым она смотрела на меня, вызвало неприятное чувство. – Мира назвала мне дом, на который вы, ребята, должны сегодня обратить особое внимание.

– Который?

Ее взгляд сделался серьезным.

– Дом Рейнольдсов.

* * *

Вечер был безжалостным чудовищем. Он поглотил весеннее солнце, не оставив после себя ничего, кроме прохладных порывов. Они яростно трепали мои ноги, которые болтались в воздухе на высоте нескольких метров над землей. Я наблюдал за коттеджем на противоположной стороне улицы, построенным из простого камня. Доски забора высотой по колено отделяли его от «Роял Чайны». Сотрудник в красной футболке открыл дверь ресторана быстрого питания. Ворона присела на мусорный бак, прежде чем он ее спугнул.

Я отвел от них взгляд и посмотрел на средний эркер дома. Он выступал из крыши, покрытой зеленым остроконечным материалом. За занавесками виднелся изящный силуэт девушки, сидящей на кровати и читающей книгу. Я представил, как ее аккуратно подстриженные ногти следят за предложениями и как кончики каштановых локонов, завитых в разные стороны, спадают на ее плечи.

Я услышал Эмиля еще до того, как увидел его. Мои ноздри раздулись, когда его пальцы сомкнулись на выступе церковной башни. Буквально через мгновение острое лицо Эмиля появилось рядом со мной.

– Поработай над своей беззвучностью, – произнес я.

– Я тихий, как газель.

– Больше похоже на слона.

Эмиль рассмеялся. Он не сел рядом со мной, а стал балансировать на узком выступе.

– Бесшумны только те, кто боится нападения, Ти.

– Навык быть бесшумным дает тебе преимущества, – возразил я. – Это экономит твое драгоценное время и защищает от неприятных встреч.

– Ну, если ты так говоришь... – Эмиль прислонился спиной к крыше шпиля. Он достал из нагрудного кармана зубочистку и сунул ее между зубов, пока осматривал окрестности. – Тут что-нибудь было?

– Пока ничего.

– Ты в курсе, что дом Джейме не единственный?

– Я наблюдаю за всеми.

– Ты *ни на что* не смотришь, кроме Джейме.

Я закатил глаза и подтянул одну ногу, положив предплечье на колено. За занавесками я мог различить, как двигалась Джейме. Она закрыла книгу и встала с кровати, чтобы положить ее на прикроватный столик. Через несколько секунд свет погас.

– Ты же знаешь, что я чувствую, когда надвигается опасность, Эм.

– Мы все это чувствуем. Но это не значит, что мы должны быть менее бдительными. Если бы Мире было известно, что ты полагаешься только на свои инстинкты, она бы вырвала твои кишки.

– Я наблюдаю за всеми, – повторил я. Он фыркнул. Наступила тишина. Затем:

– Ты слышал о новенькой Иверсен?

– Да. – Ветер сдул мои волосы со лба. Большие глаза – голубые, как южное море под ярким солнцем, – доминировали в моих мыслях с тех пор, как она появилась. – И я не собираюсь говорить о ней.

Эмиль проигнорировал это.

– Я встречался с ней.

– Ага.

– Ты хочешь знать, что произошло?

– Нет.

– Элин упала со скалы. Опять. – Он выплюнул свою зубочистку и поймал ее указательным и средним пальцами. – Иверсен думала, что она мертва.

Впервые с тех пор, как он затронул эту тему, я прислушался.

– Видела ли она, как...

– Нет. – Он перевел взгляд на дорогу. – У нее была паническая атака из-за скал.

– Паническая атака из-за скал. – Я рассмеялся. – Эта девчонка – пустая трата времени.

В том, как Эмиль присел на корточки рядом со мной, уцепившись за выступ двумя пальцами, и в том, как ветер трепал пряди его волос, было что-то хищное.

– Ходят слухи, Ти. О вас обоих.

– Я не придаю значения слухам.

– Говорят, ты спас ее от моряка.

Церковный колокол начал звонить. Громкость была зашкаливающая. Эмиль поморщился и закрыл уши руками. Мой взгляд по-прежнему был прикован к дому Рейнольдсов. Когда колокола стихли, я провел рукой по волосам.

– Сплетнику этого маленького города не помешало бы заткнуться. Передай ему это, когда он свяжется с тобой в следующий раз.

Голова Эмиля повернулась влево. Прищурившись, он смотрел на тускло освещенную улицу, сканируя каждый миллиметр, его брови были плотно сдвинуты. Настороженность Эмиля заставила каждый нерв в моем теле напрячься.

– Я ничего не чувствую, – сказал я тихо, едва слышно, чтобы посторонние не могли расслышать ни звука. – В чем дело?

Эмиль все еще смотрел вдаль. Несколько секунд он оставался неподвижным, пока внезапно не опустил плечи и напряжение не покинуло его конечности.

– Порядок. Я думал, там кто-то есть.

Небрежным жестом Эмиль вытянул одну ногу. Его пальцы играли с застежкой-молнией пиджака, когда он наклонил голову в мою сторону под небольшим углом.

– Камрин видела вас.

Я фыркнул.

– Этой кошке нужно найти себе хобби.

– Прекрати, Ти. Она сказала мне, что ты был первым, кому она рассказала о том, что происходит на Кривом проспекте. И, по ее словам, ты бежал быстрее, чем изголодавшаяся собака, которой перед мордой покрутили костью. – Эмиль нахмурился. Кончиком зубочистки он ткнул в ткань кожаных брюк своего комбинезона. – В течение нескольких недель ты был раздражительным. Это началось после того, как нам стало известно, что она собирается при-

ехать в Тихий Ручей. – Он посмотрел на меня в упор. – Что происходит между тобой и девочкой Иверсен?

Когда я открыл рот, чтобы сказать, что мне наплевать на нее, ледящий кровь крик разрезал прохладный вечерний воздух.

ЭМИЛЬ

Мои пальцы обхватили край выступа. Через мгновение тело повисло в воздухе. Пятнадцать метров свободного падения между мной и асфальтом. Носок ботинка закрипел о шпиль. Я искал какой-нибудь выпирающий кирпич.

Тираэль передвигался с помощью рук и был уже намного ниже меня; в быстром темпе он спускался по башне. Движения Тираэля были ловкими, а каждый захват точным и уверенным. Этот парень умел лазать, как обезьяна, и я бы солгал, если бы сказал, что кто-то может с ним сравниться.

Мой взгляд скользнул по каменной стене башни. На короткое мгновение я закрыл глаза, чтобы избавиться от эффекта головокружительной высоты. Это было унижительно. Наш вид воспитывался так, что страх считался низшим чувством. Он искоренялся из всех без исключения самым жестоким образом. Но этот проклятый страх перед высокими спусками сохранялся годами.

– Давай уже, Эм! – Я открыл глаза и встретился взглядом с Тираэлем. Он казался обеспокоенным. – Один шаг, потом другой. Это просто. – Тираэль сделал короткую паузу. Немного тише он добавил: – И я бы никогда не дал тебе упасть.

Еще один крик пронзил воздух. Наконец подошва моего ботинка нащупала выступающий кирпич. В то время как другая нога все еще висела в воздухе, я ухватился одной рукой за железную скобу, которая проходила через окно колокольни рядом со мной. Время от времени я скользил вниз по стене башни, чтобы добраться до запланированной остановки, расположенной дальше, и тогда я мельком видел выражение лица Ти: ни малейшего намека на напряжение или страх. Это было не в его стиле. Мысли о том, что он может упасть, что-то сломать себе, возможно, даже умереть, не существовали в его непроницаемой голове. Возможно, звучало банально и глупо, но Ти редко задумывался. Он действовал. И спускаться по шпилью было для него обычным делом. Это было легко.

Мои ботинки почти бесшумно коснулись асфальта. Тираэль уже скрылся за домом Рейнольдсов, когда я устремился за ним. Пустая улица наполнилась пронзительными криками Джейме. У нас оставалось не так много времени, пока кто-нибудь из соседей не вызовет полицию. А им не следовало находиться в этом месте. Они оказались бы мертвы еще до того, как направили бы на кого-то ствол пистолета. Ти собрался выбить дверь. Но до того, как он успел коснуться ее, дверь замерцала.

– Что это? – спросил я.

Тираэль прищурил глаза. Он протянул руку, чтобы оттолкнуть меня. Воздух вибрировал. Палец Ти приблизился к мерцающему нечто. Чем ближе он подходил к нему, тем сильнее становилась вибрация.

– Ты это слышишь?

– Что?

– Эти голоса.

– Я совсем ничего не слышу, кроме Джейме.

Тираэль сжал челюсти. Его вытянутый палец превратился в пять, когда он приблизился к воронке с выставленной вперед ладонью. Внезапно Тираэль одернул руку. Его взгляд помрачнел.

– Магия мертвых.

– О, *bljersk!* – Я пнул кирпичную лестницу своим стальным ботинком. – Черт, черт, черт!

– Борись с этим. – Ти закрыл глаза. – Не впускай их.

Слишком поздно. Мрачный шепот наполнил воздух и проник в мою голову. Ужасные слова, мучительные. Они становились все громче. Жестче. Стерли все вокруг меня. Злобный,

леденящий душу напев, исходивший от мертвых душ. Они были мстительными и несчастными. Их голоса напоминали загробное шипение.

Они избивали меня. Это девушка. Доставали ремень и избивали. Снова и снова.

Он шел на меня с ножом. Пожилая женщина. Ржавым и кровавым. Жадность в его глазах, жадность порочных побуждений, которые он излил на меня.

Они сказали, что мы поехали в город, чтобы купить мне новые брюки. Мальчик. Еще маленький. Он шепелявил. Вместо этого они утопили меня в озере Лох-Морар.

Их прошлое проникало в самое сердце. Они отравили мысли, захватили контроль над моими чувствами. Цвета вокруг меня расплывались.

Я пошатнулся, потерял равновесие и упал со ступенек крыльца. Пальцы Тираэля коснулись моих, но он оказался недостаточно быстр. Мой баланс был нарушен. Лишь смутно я уловил, как голос Тираэля пробивался между словами щепчущих мертвых душ. Он боролся с ними. Безжалостный шепот стал менее интенсивным, как будто противодействующая сила Тираэля уносила все это прочь. Но, прежде чем голоса исчезли, по моим конечностям пробежало оцепенение. Мышцы не справлялись со своей задачей. Буквально через несколько секунд ноги подкосились, и я ударился затылком, преодолевая сильное сопротивление. Тело рухнуло в сырую липкую траву.

Он сжег мое тело.

– Тщ-щ-щ, – ответил Ти. – Теперь все хорошо.

Утюгом. Каждый сантиметр моей кожи.

– Теперь ты в безопасности.

Чем громче я молила о пощаде, тем сильнее он причинял мне боль.

– Он больше никогда не сможет причинить тебе боль.

МНЕ ТАК БОЛЬНО!

– Боги позаботятся о том, чтобы он понес наказание.

МЕНЯ СОЖГЛИ!

– Теперь ты свободна. Теперь ты в безопасности.

Мои пальцы свело судорогой. Они зарылись во влажную землю.

– Дай им... больше любви... Ти.

– Я пытаюсь. – Он казался спокойным, но я знал, что Тираэль находился на пределе своих возможностей. – Они меня не выпускают! – Его голос звучал приглушенно. Как будто он с головой ушел под воду, в то время как бормотание его ответного проклятия эхом раздавалось в моей голове между успокаивающими словами в адрес мертвых.

Души стали громче. Их плач сделался более пронзительным. Я мог сойти с ума в любой момент. Моя голова была готова разорваться. В эту секунду я ничего не желал так сильно, как стать одним из них. Я прижал ладони к ушам и стиснул зубы. Мой сломленный дух вызвал бы отвращение у Высших.

И вдруг между борющимися голосами в моей голове раздался еще один. Холодный. Стальной. Бессердечный. Всего три слова, снова и снова. Быстрые и пронзительные, как удары острого ножа, который они использовали, чтобы вырезать эти слова на коже наших детей. *Se ka zterak*. Никакой слабости.

– Ти! – Я использовал все силы, чтобы сдерживать безумие внутри себя. – Ти, пожалуйста! – Это его голос раздавался в моей голове. Он сделался более сильным, властным, и шепот мертвых... он исчез. Голова прояснилась, и меня охватило ясное, могущественное чувство свободы.

Но вдруг подступило удушье. Дрожащие конечности изо всех сил пытались поднять тело на четвереньки, прежде чем меня стошнило в прохладную липкую траву. Мир подо мной вертелся. Я вытер рот тыльной стороной ладони, а затем провел ей по кожаному комбинезону. Острота зрения возвращалась очень медленно.

– Пойдем, – Ты протянул мне руку. – У нас нет времени.

– Я знаю. – Я вытер мокрое от пота лицо, схватил Ты за руку и позволил ему поднять меня на ноги. *Se ka zterak*. – Нам не войти.

Тираэль грыз ногти.

– Должен быть какой-то способ.

– Ты, – я безрадостно рассмеялся. – Возможно, ты способен отразить именно такое заклинание мертвых. Но тебе не под силу его уничтожить. – С мрачным видом я посмотрел на чертову дверь. До нас донесся еще один крик, который свидетельствовал об ужасных мучениях и пытках. На мгновение я закрыл глаза. – Нам придется ее отпустить.

Ты вздрогнул.

– Нет. – На его лице я увидел решимость, выходящую далеко за рамки человеческих возможностей. Его светлые глаза встретились с моими и сверкнули в темноте, словно настоящие бриллианты. – Джейме Рейнольдс *не умрет*.

– Ты. – Я постарался говорить спокойным тоном. Чутким, но строгим. – Мы не можем ей помочь.

– Не думай, что ты знаешь, что я могу и чего не могу сделать. – Его черты напоминали каменную стену, а выражение лица внушало страх. – Кто ты такой, чтобы говорить, где мои пределы?

– Ты...

– Пошел ты, Эмиль.

Он направился к двери. Несколько секунд я смотрел вслед Тираэлю, рассматривая его атлетический силуэт, который лишь слабо выделялся на фоне лазурного неба из-за черной одежды. Меня охватил ледяной холод, когда я подумал о голосах мертвых. Они питались нашим страхом. Нам не хватало сил, чтобы победить их. Мысль о том, как они снова возьмут контроль над моей головой, как они возьмут надо мной верх и позволят жестокости проникнуть внутрь...

– *Bljersk!* – Я преодолел несколько ярдов и оказался вплотную позади Ты. – Ты в долгу передо мной за это, Бернетт.

– Я никогда никому не остаюсь должен. – Ты вытянул свои ладони. Люди разглядели бы только бледного парня, хватающегося за пустоту, но я чувствовал пульсирующую вибрацию. Воздух передавал мне напряжение, вызванное сопротивлением и неестественным искажением молекул из-за некромантии. Магия мертвых.

– Я в тебе не нуждаюсь. – Пальцы Ты изогнулись. Пепельная тень пробежала по его лицу. – Заклинание выполнено небрежно. Разгневанные души. Они опечалены. Я чувствую какое-то грязное проклятие. Они... не особенно сильны. Уходи, если хочешь.

– Нам это не по зубам! Магия мертвых... – Я покачал головой. – Ответное заклинание опасно. Если мы выполним его неправильно или окажемся недостаточно сильны, чтобы сражаться с душами, наше собственное заклинание обернется против нас!

– Мне известны возможные последствия, Эмиль.

– Мы можем погибнуть!

– И? – Взгляд Тираэля был стальным. – Я бы предпочел умереть, пытаюсь спасти Джейме, чем жить, зная, что позволил умереть ей. *Se ka zterak*.

– У нас почти нет опыта в некромантии! Невозможно выбраться отсюда живыми!

– Ты не можешь узнать, что невозможно, пока не попробуешь. Как я уже говорил... – Он прищурился и тяжело вздохнул. Когда Тираэль открыл дверь, его руки дрожали. – Уходи.

Я обеспокоенно посмотрел на него. Его глазные яблоки выпучились. На них проступали красные прожилки. Руки Ты начали изгибаться под неестественным углом. Через несколько секунд колени парня подогнулись, как будто едва могли нести его.

– *Bljersk*, Ти! – Я плюнул в траву. – За одну только мысль о том, что я позволю тебе пройти через это в одиночку, мне хочется начистить тебе морду!

Я встал рядом с ним на первую ступеньку лестницы и протянул руки. В моей голове раздалось бормотание слов ответного заклинания. Воздух вокруг меня пульсировал. Все, абсолютно все в этой ситуации казалось неправильным, ненормальным. Контакт с мертвыми был против природы.

Спустя мгновение сковывающее напряжение в теле Тираэля спало. Его плечи поникли, черты лица нормализовались. Я перенял на себя часть его бремени, и хотя Ти никогда бы в этом не признался, в его коротком кивке я распознал благодарность.

Следующая минута тянулась бесконечно – изнуряющая и мрачная. Это был один из худших вечеров, которые я пережил за последние месяцы. Во мне разрасталось чувство безграничной безнадежности, потому что ничего не происходило. Чем дольше мы боролись с заклинанием, тем вернее казалось неприятное ощущение, что оно становится только сильнее. Сплошная стена, пробить которую невозможно.

– Ти! – Сильная вибрация заставила мои губы задрожать. – В этом нет никакого смысла! Мы должны сдаться, иначе нам крышка!

Он молчал. Давление в голове было огромным. Мои руки опустились, перестав ощущать темную магию. *Это конец*, подумал я. *Мне очень жаль, Джейме*.

Но внезапно чужие слова наполнили спертый воздух вокруг. Я никогда раньше не слышал этого языка. Шепчущий и грубый, как опавшая листва, и в то же время такой нежный, как будто каждое предложение – всего лишь дуновение ветерка.

Я повернул голову и испугался. Заклинание будто прошло сквозь меня.

Это были слова Тираэля. Я не понял, что он сказал, но... мертвые исчезли! По моим конечностям пробежало покалывание, когда воздух очистился. Вокруг все прояснилось, пока вдруг над нашими головами не раздался жалобный вой. Такой пронзительный и ядовитый, словно не из этого мира.

Пение мертвых.

Безобразный шепот наконец стих. И, словно растворяясь, словно умирая снова и снова, из ниоткуда на землю полилась смолистая черная субстанция. Едкие комья заставили ступени лестницы почернеть.

– Не трогай, – приказал Ти. Было странно снова услышать, как он говорит на нашем языке. Я уставился на него, но Тираэль игнорировал меня. Большими шагами длинных ног он переступал через кровь мертвецов, но я опустил взгляд и заметил, как едкая жидкость пузырится. Меня охватило неприятное чувство, будто остатки проклятия издавали страдальческие стоны. Они притягивали, манипулировали, заставляли прикоснуться к веществу, *почувствовать* его на ощупь.

Я едва заметил, как протянул руку – медленно, обдуманно, хотя мне так сильно этого хотелось, по совершенно неизвестной причине. Осталось совсем чуть-чуть, всего несколько сантиметров, почти достал, *давай, давай...*

– Эмилль!

В доме что-то загрохотало. Я резко дернулся. Моргнув, я оторвался от вещества и ринулся в дом. Откуда-то доносилась ругань Тираэля, но было слишком темно, чтобы разглядеть хоть что-то.

– Ти! – крикнул я. Сигнализировать о том, где я нахожусь, было не особо удачной идеей, потому что всего через несколько секунд я почувствовал, как на меня накатила обжигающая волна. Моя стихийная связь с воздухом определила местонахождение огня и со сверхъестественной скоростью сообщила, что жар исходит откуда-то справа. Инстинктивно я поднял руку

и замахнулся. Мощный порыв воздуха взметнул пламя в противоположном направлении. Кто-то взвыл. Я попал в него.

– Ага! – Я ухмыльнулся. – Даже не в состоянии видеть я просто не-ве-ро-ят-но бесподобен. – Я ощупал рукой стену. – Ага! – Я щелкнул небольшим выключателем, после чего тусклый луч света пролился на потрепанную комнату. Стеклянный журнальный столик был разбит, его осколки украшали паркет. В соседней кухне дверцы шкафа были распахнуты. Здесь творился чистейший хаос. Мука пропитала воздух и образовала белый туман. Порочная стихия трусости протестовала во мне.

А потом я увидел Ти. Он сражался с двумя темными. Они напали на него, используя кинжалы и навыки. Тираэль танцевал между атаками. Я хотел броситься к нему на помощь, но рядом со мной что-то шевельнулось. Я резко отвел взгляд в сторону, пытаясь разглядеть хоть что-то сквозь белый мучной туман. Что-нибудь, что...

Там! Девчонка? Не ребенок, но и далеко не женщина. Две светлые заплетенные косички, большие голубые круглые глаза. Она казалась такой милой, что на мгновение это выбило меня из колеи. И этого короткого мига ей оказалось достаточно.

Девчонка проникла в мою голову. Подобно безжалостной змее, она беспощадно вгрызлась в мой мозг и смеялась.

– Привет, красавчик, – проворковала она. – Интересно, насколько ты останешься грациозным, когда твои утонченные черты лица исказятся от боли, а?

Она подошла ближе, в то время как в моей голове раздался пронзительный звук. Я стал неподвижным. Мои уши заполнил оглушительный звон.

Кончиком пальца она провела по моей скуле.

– Я разрушу твою элегантность, заставив тебя страдать. – Она подошла еще ближе, ее губы коснулись моего уха. – Горько-сладкие муки, которыми я могу насладиться.

Звуковые волны усилились. Это было невыносимо. Так громко. Так притягательно. Невыносимо. Я просто хотел, чтобы это прекратилось, наконец прекратилось. Хотел, чтобы кто-нибудь обезглавил меня – что угодно, лишь бы больше ничего не слышать...

– Так прекрасно, – услышал я ее голос сквозь звуковые волны и почувствовал, как пальцем девушка водит по моим губам. – Страдай для меня, дорогой. Страдай.

Мой взгляд устремился к Тираэлю, но он все еще был окружен и сражался, повернувшись ко мне спиной. Звук, который я слышал внутри себя, стал пронзительно громким, слишком резким, чтобы я мог выносить его дольше. Я должен был сопротивляться. Психокинетик все еще была почти ребенком и решила потягаться с самим Эмилем Вудворд. *Да о чем она, черт возьми, думала?*

– Жаль, что мне придется разочаровать тебя, милая. – Я погрузился в себя, нащупал ядро силы и заставил его отодвинуть звуковые волны на задний план. – Но эти садомазохистские штучки мне совсем не по душе.

Мысленно я исследовал ее разум, пока не обнаружил ядро энергии. Я выпустил ментальные когти, чтобы взять ее под свой контроль. Это сработало. Звуковые волны в моей голове утихли. У нее не было ни единого шанса.

Как только девчонка осознала это, надменная ухмылка исчезла с ее лица. Девушка стиснула зубы и снова попыталась проникнуть в меня, но теперь я был готов, а мой ментальный щит непроницаем. Я абстрагировался от происходящего вокруг и сосредоточился. Подумал о кровожадных, огромных волках с длинными зубами, которые широко раскрывали пасть и бросались на девушку. Знакомое покалывание пробежало по моему телу, когда я поместил иллюзию в ее голову.

Внезапно девчонка отстранилась. Паника исказила ее красивое лицо. Она открыла глаза и рот и закричала. Закричала во все горло, полагая, что это не я, а волки стоят перед ней и нападают. В отчаянии девушка закружилась. Она выбежала из дома через все еще открытую заднюю дверь и зацепилась ногой за изъеденную кирпичом лестницу. Воздух наполнился отвратительным треском. Она споткнулась и упала лицом в траву. Магия мертвых поглотила девушку.

– Эм!

Тираэль подошел ко мне. Его противники лежали на земле, один из них с неестественно вывернутыми конечностями, а другой...

Он утонул. Тираэль слился в единое целое со своей стихией, набрал воды из кухонного крана и утопил нападавшего. Вода из его рта стекала на пол и образовывала большую лужу.

Ти подошел ко мне. Мука оставила белую вуаль на его черных волосах. Он был похож на привидение.

– Джейме, – коротко сказал он, проносясь мимо и следуя за неутрахающими криками. Я погнался за ним по узкому коридору, соединился с воздухом и почувствовал сильный порыв ветра.

Дверь в комнату Джейме была снесена с петель, и то, что я увидел, заставило мир вокруг содрогнуться.

Дидре

Пузырьки воды растекались по белым мраморным плиткам. Из-за усердной уборки у меня горела рука. Комнаты с меньшим количеством плиток не повредили бы викторианскому особняку Андерсонов. По крайней мере, это было мое скромное мнение.

Ветер ворвался в прихожую, когда за спиной открылась входная дверь. Вошел Мерлин. От вида его заляпанных грязью ботинок у меня перекошилось лицо. Волосы парня окрасом напоминали лисью шерсть, прямо как у его сестры. Однако черты лица Мерлина не излучали даже капли той доброты, что исходила от Изобель. Он казался надменным, грубым и чрезвычайно высокомерным – точь-в-точь как его мать.

– Ты мешаешь, морж, – произнес он.

Я проигнорировала укол боли, пронзивший мое сердце после его замечания. Рядом со мной было достаточно места, чтобы пройти мимо и войти в вестибюль через промежуточную дверь. Тем не менее я отодвинулась в сторону.

– Простите.

Мерлин посмотрел на меня с отвращением. К счастью, он воздержался от дальнейших комментариев и вышел в вестибюль. Его ботинки оставили грязные следы на только что вымытой плитке – как я и думала.

Глубоко внутри я почувствовала нарастающий гнев. Моя рука, держащая тряпку, сжалась в кулак. Вода капала на пол. Заметив это, я испугалась. Тряпка выпала из руки. Мне не следовало сердиться. Это была моя работа. Андерсоны платили мне, чтобы я содержала их дом в чистоте. Они дали мне шанс. Благодаря им меня не отправили в ссылку.

– Что ты там делаешь?

Я подняла взгляд. Изобель Андерсон появилась на лестничной площадке, положив изящную руку на перила.

– А на что это похоже? – Я одарила ее измученной улыбкой. – Вытираю пол.

Она нахмурилась, оглядывая помещение.

– Когда пять минут назад я поднималась наверх, чтобы надеть свое снаряжение, все выглядело чище.

Я открыла рот только для того, чтобы снова закрыть его. Глаза Изобель проследили следы грязи, которые заканчивались у двери в гостиную. Черты ее лица затвердели.

– Ах, этот чертов подонок!

Она мрачно посмотрела на меня. Ее рука метнулась к ведру, и вода поднялась вверх. Быстрым движением руки Изобель вылила ее на плитку. Девушка совершала отточенные, умелые движения до тех пор, пока пол не засиял.

Это могло быть так просто.

Смущенная тем, что ей пришлось мне помогать, я нервно теребила подол своего платья.

– Благодарю.

Ковер на ступенях высокой лестницы приглушал ее шаги. Я не осмелилась поднять взгляд, пока ее ботинки и длинные стройные ноги, за которые я была готова убить, не появились в поле моего зрения.

– Ты не рабыня, Дидре. – Она положила руку мне на плечо. – Пожалуйста, не думай, что ты какая-то неполноценная.

– Но ведь я и есть неполноценная. – Изобель хотела возразить, но я покачала головой. – В отличие от вас, ребята, я не сражаюсь. Не использую свои силы. Ваша мать права. Я – пустая трата времени.

– Дидре Гринблад! – Изобель возникла прямо передо мной. Она скрестила руки на груди и прищурила глаза. – Совершенно не имеет значения, сражаешься ты или нет. Твоя жизнь,

твои решения. Никто не становится менее значимым, потому что хочет пойти другим путем! И, клянусь богами, ты гребаная Гринблад!

Ее слова пробудили в моей груди успокаивающее тепло.

– Спасибо, Иззи. Но твои родители...

– ...снобистские, мерзкие люди. – Она протянула мне руку. Тонкие золотые кольца украшали ее пальцы. Я схватилась за нее и поднялась. Изобель заправила мне за ухо непокорный локон, который тут же выбился из прически. – Моя прекрасная, умная, сильная Дидре, в конце концов не подведет меня, поверив словам Фриды и Артура Андерсона, не так ли?

Робкий смешок сорвался с моих губ, прежде чем я кивнула. Изобель просияла. Казалось, она хотела взять меня под руку, но в этот момент дверь гостиной открылась. Аура Фриды была ледяной, ужасающей и прекрасной. Она могла бы сойти за сестру Изобель. Ее щеки были впалыми, но не некрасивыми или нездоровыми; это выглядело эстетично. Глаза этой женщины были полны глубокой тьмы, в которую я не осмеливалась заглянуть. Чем дольше я смотрела ей в глаза, тем сильнее бунтовало мое нутро.

Фрида посмотрела на свою дочь с такой суровостью, что у меня скрутило живот.

– И чем таким важным ты занимаешься, заставляя нас ждать?

Изобель прижала руки к бедрам.

– Я...

– Прохлаждаешься с горничной. – Ее лицо скривилось в злобной гримасе. – Да, это не ускользнуло от меня.

– Простите, – пробормотала я. – Это не ее вина. Я задержала Изобель.

Фрида повернулась ко мне.

– Я просила тебя вмешиваться в разговор?

Когда я заговорила, мой голос был тонким и едва слышным.

– Нет.

– Вот и помалкивай. У тебя есть задание, и все, что выходит за рамки этого, неуместно.

– Мама!

– Конечно, – ответила я.

Изобель гневно посмотрела на мать.

– Это нехорошо – разговаривать с ней таким образом!

– Ты не в том положении, чтобы говорить мне, что хорошо, а что нет, дитя.

– Но...

– О боги, Изобель! – Фрида подняла руку, выдохнула и ударила пустоту. Воздух под ее контролем впел Изобель режущую пощечину. Девушка ахнула. – Теперь иди! Я не потерплю больше никаких задержек.

Изобель задержала дыхание. В ее прерывистом выдохе чувствовался запах глубокой неприязни. Она стиснула зубы, сжала челюсти и безо всяких возражений последовала за матерью в гостиную. Я смотрела им вслед, пока дверь не захлопнулась. Меня охватило чувство беспомощности.

До меня доносился сальный голос Артура Андерсона, но я не могла разобрать ни слова. Всякий раз, когда я присутствовала в их доме, родители Изобель тщательно следили за тем, чтобы говорить тихо. И я даже не обижалась на это. Я была одной из них, но в то же время считалась чужой. Я была как они – другой, уникальной, но...

Бесполезной.

Осталось давящее чувство в моей груди. Я прошла через прохладный вестибюль, спрятала тряпки и ведра в комнате под лестницей и вышла из дома, чтобы отправиться к Ансарам. В мои обязанности входило присматривать за Элин, когда Эмиль отправлялся на охоту. Платил он, конечно, нерегулярно, но всегда достаточно.

Утоптанная, покрытая зеленой земля привела меня к Сайлент Ривер. Я приближалась к окраине города, как вдруг...

– Дидре.

Теплые пальцы сомкнулись вокруг моего запястья. Я испугалась, быстро одернула руку, пошатнулась и споткнулась о камень, лежащий на пути. Острая боль пронзила мой копчик, когда я упала на задницу. Трава была неприятно влажной. Я прижала руку к груди.

– А... Арчи.

– Я не хотел тебя напугать. – Он протянул руку и с легкостью поднял меня на ноги, как будто я весила не больше нежной пуховой подушки. В слабом сумеречном свете его темные веснушки казались небольшими точками на произведении искусства. – Все в порядке?

Я кивнула.

– Прошу прощения.

– Прощения? – Он засмеялся. – Если я не ошибаюсь, это мне нужно извиняться.

– Баба Гринблад регулярно продолжает настаивать на том, что она должна использовать огненный хлыст Миры, чтобы выбить из меня пугливость.

– Верховные обладают скверным чувством юмора. Я, в свою очередь, предпочел бы похвалить твою быструю реакцию. – Он сделал движение рукой. Перед моими глазами появился слабый сквозняк. – Быстрее ветра.

Я улыбнулась.

– Арчибальд Искар Бернетт, ты просто очаровашка.

Он раскачивался взад и вперед на ногах и ухмылялся.

– Куда ты идешь?

Я указала на мрачный еловый лес, кроны которого тянулись к нежно-золотому закату.

– Элин у Ансгаров. Я заберу ее.

– Могу я проводить тебя?

– Конечно.

Мы продолжили идти. Наши ботинки касались влажной травы. Низко в небе летел ястреб. Арчи одарил меня неуверенной улыбкой.

– Ты слышала про Иверсен?

– Я слышала кое-что о Хелене Иверсен, Арч.

– Она приехала сегодня.

– И про это тоже.

Он бросил на меня быстрый косой взгляд.

– Что ты об этом думаешь?

Я пожала плечами.

– Когда я делюсь с тобой своим мнением по этому поводу, ты злишься. Нам не следует говорить об этом.

– Я обещаю тебе, что не буду злиться. Неважно, что ты скажешь.

Я колебалась. Мягкая земля смягчала мои шаги.

– Мы не должны верить всему, что нам говорят правители.

Краем глаза я заметила, как он нахмурился.

– Но это же правители, Ди. Полк. Верхние. Зачем им лгать нам?

– Ты хочешь услышать мое честное мнение?

Он кивнул.

– Политика всегда была непрозрачной и управлялась властью. В нашей истории то же самое, что и у людей. Вспомни о Политическом дворце азлатов и о том, какие слухи все еще ходят. Мы никогда не узнаем, что правда, а что нет. – Я обхватила лацкан своего пальто и плотнее притянула его к своей шее. – Если ты спросишь меня, нам следует срочно пересмотреть

вопрос о том, стоит ли доверять правителям. История с Сифрой... Мне кажется совершенно безрассудным верить во что-то подобное, даже не увидев доказательств.

Арчи фыркнул.

– Как можно было доказать ее преступление, если она сбежала раньше?

– Встречный вопрос: как мы можем верить тому, что нам говорят, если она сбежала раньше?

– Это правители, – настаивал Арчи. Так бывало всегда, когда у него заканчивались аргументы. – Верховные были избраны дворцом, чтобы править азлатами Шотландии. Их слово – закон.

Мы достигли глинобитного коттеджа Жислен и Тео. Я остановилась и вздохнула.

– Мы никогда не придем к единому мнению по этому вопросу.

Арчибальд ничего не ответил, долго и пристально глядя на меня. Я поймала себя на том, что вожу глазами по изогнутой линии его полной верхней губы. Мои щеки вспыхнули. Я быстро отвернулась.

– Это нормально – расходиться во мнениях, – произнес он. Его пальцы провели по моему виску. Я испугалась. Но, когда подняла глаза, он отдернул руку и показал мне божью коровку, ползущую по кончику его пальца. Арчи вытянул ладонь, и жук улетел, как трепещущая точка в пахнущем дождем воздухе. – Свобода мнений, Дидре. Кем бы мы были, если бы осудили кого-то за образ мышления, отличающийся от нашего?

– До тех пор, пока он не замыслит что-то злое, – поправила я.

Арчи кивнул и устремил взгляд вдаль. Морщины разрезали его гладкую кожу, пока он наблюдал за кроной высокой ели. От меня не ускользнуло, как напряглись его мышцы. Через несколько секунд раздался шорох, и ворона вырвалась из-под елей и взмыла в небеса. Плечи Арчи расслабились. Он посмотрел на меня с усмешкой на губах и наклонил голову.

– У меня есть кое-что для тебя.

– Оу! – Я моргнула. – Но... Сегодня ведь не мой день рождения.

– День рождения, Рождество, именины, поминовение богов... – Арчи фыркнул. – Почему-то люди решили регламентировать дни, когда можно дарить подарки своим близким. Я бы хотел делать это постоянно. Всякий раз, когда пожелаю. Разве это так предосудительно?

От слов Арчи в моем животе что-то приятно затрепетало. Это чувство не должно было существовать, и все же я поприветствовала его.

– Нет, – прошептала я. – Совсем нет.

На щеках Арчи появились ямочки. Он порылся в кармане своего кожаного пиджака. Когда Арчибальд вытащил руку, что-то блеснуло золотом, прежде чем исчезнуть в его кулаке.

– Закрой глаза.

Жаба прыгнула в Тихий Ручей. Раздался плеск. С одной стороны, звук был успокаивающим, но с другой я знала, что лягушка теперь была мертва.

– Ладно. Открывай.

Сначала я моргала, дав привыкнуть глазам к темноте, пока не заметила золотую цепочку, которую Арчи держал перед моим лицом.

– Арчи... – Мои губы раскрылись. Я рассматривала кулон из дымчатого кварца. Он был окаймлен золотым кольцом с бриллиантами. – Это... я не заслужила этого... этого.

– Ты бы сделала мне подарок, надев его, Дидре.

– Но... – Сердце в груди бешено заколотилось. – Он же дорогой.

– Пустяк. У меня есть деньги.

Воистину. Бернетты были высокопоставленным кланом со значительным наследством. Кроме того, родители Арчи управляли самой престижной медицинской клиникой неврологов в Абердиншире. Я знала все это, потому что... Арчи был моим двоюродным братом. Мы выросли вместе. При этой мысли мой желудок взбунтовался.

Казалось, он почувствовал перемену в моем настроении, потому что черты его лица внезапно заострились и на нем появилось беспокойство.

– Тебе не нравится подарок?

Бороться с комом в горле стоило мне больших усилий.

– Он замечательный, Арчи.

Казалось, он почувствовал облегчение. Одной рукой Арчи приподнял мои кудрявые волосы. По телу побежали мурашки, когда его пальцы коснулись ключицы. Я чувствовала каждое прикосновение, каждый вдох, касающийся моей кожи. Задержав дыхание, я слушала, как сердце ликовало, а разум протестовал. Арчи надел на меня цепочку. На мгновение я закрыла глаза. Момент, когда он отстранился, был пыткой и облегчением одновременно.

– Для меня не существует ничего слишком дорогого, если речь идет о способе порадовать тебя. – Арчибальд сделал шаг ко мне. Никогда еще он не был так близок. Нечто подобное происходило только в самых сокровенных снах, когда я оставалась наедине с собой и давала волю запретным мыслям.

– Арчи, – прошептала я. Все в поле зрения замерцало. Был ли это он? Это Арчи искажил воздух? Неужели он позволил своим чувствам взять контроль над стихийной силой внутри его? Чувствовал ли он то же самое? Я пересчитывала его веснушки, рассматривала его полную верхнюю губу. Мне пришла в голову пугающая мысль, что я готова нарушить правила. Хуже того, я бы...

– Дидре?

Арчибальд содрогнулся. Я хватала ртом воздух, положив руку на грудь, и щурилась сквозь темноту, пока не увидела человека в двери.

– Жислен. – Всего одно слово, но оно прозвучало так, будто я бежала вверх по склону. Дверь скрипнула, когда Жислен открыла ее шире.

– Все в порядке?

– Да, я... – Только сейчас я осмотрелась в поисках Арчи. Мой разум превратился в бушующий шторм в поисках отговорок, которые могли бы объяснить эту ситуацию. Но в этом не было необходимости, как я теперь понимала, потому что... Арчи исчез. Я глубоко вдохнула и сглотнула. Легкое головокружение затуманило мои мысли.

– Все в порядке. – Моя ладонь прошла путь от груди к горлу. На автомате она сомкнулась вокруг кулона из дымчатого кварца. Меня мучило беспокойство, что Жислен раскроет мои секреты, покажи я ей кулон. – Я хотела забрать Элин.

Она наблюдала за мной. Ее взгляд был непроницаем. Она что-нибудь видела? Наконец Жислен отошла в сторону, и из-за открытой входной двери показалось слабое пятно света.

– Заходи. Элин портит подвал. Может быть, ты сможешь убедить ее, что наш дом – не парк развлечений.

Для Жислен я была незаметной. Робкая, застенчивая Дидре. Женщина, которая никогда не делала ничего плохого – прямо-таки открытая книга. Пацифистка в народе, который был создан для битвы.

Я улыбнулась, проходя мимо нее. Я улыбнулась, как будто мне нечего было скрывать.

Какая грязная ложь.

Хелена

Ноги несли меня по мрачным улицам Тихого Ручья, в то время как все тело дрожало. Я переключивала камень в виде дракона из одной руки в другую, пытаюсь успокоиться, но даже талисман не смог мне сегодня помочь. Призрак Финли оставался всего лишь призраком Финли.

Едкий запах виски моряка вьелся в ноздри и преследовал меня. После каждого второго шага я останавливалась, чтобы оглянуться через плечо. Я чересчур чутко воспринимала каждый звук: вздрагивала, когда листья шуршали по асфальту, и задерживала дыхание, когда вдалеке вскрикивала сова. Еще хуже были мысли о том типе, Бернетте, который спас меня. И о словах, которые он сказал.

Если бы мне было позволено убивать, maledictus pulchritudo... мой выбор пал бы на тебя.

– Эй ты!

Я вздрогнула и отскочила в сторону, ударившись головой о статую Морриган. На короткое мгновение дикие узоры заплясали перед моим внутренним взором.

– Оу, мне ужасно жаль. Я не хотела тебя пугать. – Нежная рука легла на мое плечо. – Все в порядке?

– Сойдет.

– Скоро станет лучше.

Я хотела было возразить, что сомневаюсь в этом, потому что перед глазами действительно плясала целая куча звезд, как вдруг мои виски запульсировали, поле зрения прояснилось, и я... вздрогнула еще раз. Лицо Изобель находилось всего в паре сантиметров от моего носа, а ее глаза пристально уставились на меня.

– Э-эм...

Она моргнула и отпрянула.

– Ой, прости! Я просто хотела посмотреть, не поранилась ли ты.

Ее фарфоровая кожа цвета слоновой кости переливалась в свете уличного фонаря с тремя лампочками. Изобель отвернулась и посмотрела вдаль, стягивая с запястья темную бархатную резинку для волос. Несколькими целенаправленными движениями она заплела волосы цвета лисьей шерсти в элегантную высокую косу. Девушка заметила мой сверлящий взгляд.

– Что такое?

– Да просто... Я не понимаю.

– Чего ты не понимаешь?

– Всего этого. – Я обвела руками воздух и огляделась. – Этот город жуткий, странный и крошечный, но я встречаю кого-то вроде тебя, кто выглядит как модель из большого города, с осиной талией и длинными ногами, а потом происходит... – Я взмахнула руками. – И он...

– Понимаю.

Я нахмурила лоб.

– В самом деле?

– Нет. – Она улыбнулась. – Тебя не было в столовой. Это из-за того, что произошло между тобой и Тираэлем?

Так значит, его звали Тираэль. Странная дрожь охватила меня, когда она произнесла это имя. Тираэль Бернетт.

– Откуда ты знаешь об этом?

Взгляд Изобель окинул местность за моим плечом. Ладонями она провела по своим обтягивающим кожаным брюкам.

– Как ты уже говорила, город крошечный. Новости распространяются быстро. – Она поморщилась. – Особенно когда дело касается *его*.

– Вот как. – Измученная, я наклонилась вперед и прижала ладони ко лбу. – Он ненавидит меня.

– Тираэль ненавидит всех.

Я опустила руки и подняла глаза.

– Я ничего ему не сделала. А этот парень ведет себя так, как будто я украла его первенца.

– Не принимай это на свой счет. – Я раздосадовано хмыкнула. Изобель вздохнула. – Тираэль – человек с тяжелым характером. Но где-то глубоко под темной маской он прячет свое большое сердце.

– Трудно в это поверить. – Мой взгляд переместился на полную и яркую луну, которая сияла в небе и словно смотрела на нас сверху вниз. – Мне лучше пойти домой, иначе мой дед убьет меня.

Изобель кивнула.

– Я провожу тебя.

– Ты не должна. Это недалеко, и...

– Я провожу тебя, – повторила Изобель, на этот раз решительно, и протянула руку. Она помогла мне подняться на ноги. Изобель одарила меня широкой улыбкой. – Ты идешь?

– Да. – Головная боль исчезла. Атака Тома оставила жжение в моем горле, но и это чувство исчезло. – Очень странно.

– Ты думаешь? – Изобель держала прямую осанку. Ее шаги были целенаправленными и элегантными. – Иногда мы считаем некоторые ситуации странными, хотя это просто вселенная повлияла на момент. – Девушка искоса взглянула на меня. – То, как ты себя чувствуешь, – это вопрос внутреннего настроения.

Между нами воцарилась тишина. Под ботинками хрустел гравий. Я услышала крик ворона. Мой взгляд скользнул по Изобель.

– Ты гот?

– Что?

Мы свернули за следующий угол. Я указала на ее тело.

– Твой кожаный костюм. И сапоги. «Доктор Мартинс»?

Нахмурившись, Изобель принялась осматривать себя.

– Доктор Мартинс?

– Твоя обувь.

– А! Хм, нет. Не думаю.

– Подделка?

– Возможно.

– От «Alibaba»?

Она нахмурилась.

– Кто это?

– Интернет-магазин.

– А, конечно. – Улыбка, которой она меня одарила, выглядела неуверенной. – Да. Кажется, оттуда.

– Можешь прислать мне ссылку?

– Если я найду ее. – Она оглянулась через плечо и на мгновение прищурила глаза. – Послушай, насчет Тираэля... – В такт нашим шагам она постукивала кончиками пальцев. – Знаю, он горячий, но сделай мне одолжение.

– Какое?

– Не влюбляйся в него. Иначе он разобьет тебе сердце.

– О, *черт возьми*, Изобель! – мой голос был полон иронии. Мы добрались до тропы, которая змеей поднималась к скалам. – Почему ты говоришь мне это только сейчас? На семи-

наре он был таким лестным, настоящим обаяшкой, так что все это – бац! – и поразило меня в самое сердце.

– О нет. Нет, нет, нет! – Изобель остановилась и положила руки мне на плечи. – Хелена Иверсен, Тираэль тебе не подходит. Он...

– Ты сейчас это серьезно?

Она выглядела сбитой с толку.

Я засмеялась.

– Боже, Изобель, это была шутка! Мне придется привить себе дурной вкус на парней, чтобы влюбиться в этого подонка.

Казалось, моя новая подруга почувствовала облегчение. Она выдохнула и опустила руки.

– Слава богу. Боюсь, у меня проблемы с иронией и сарказмом. От легкой до умеренной степени. – Она закатила глаза. – При этом я изучаю психологические аспекты людей.

– Это совсем тебе не подходит.

Мы добрались до поселка на скале. Из-за сильного ветра волосы хлестали по лицу. Вдалеке шумели набегающие волны, разбиваясь о скалу. Изобель искоса бросила на меня удивленный взгляд.

– Тогда какая сфера обучения подошла бы мне?

Я пожала плечами.

– Дизайн одежды или фотография?

– О господи. Пожалуйста, нет. – Она наморщила нос. – Это даже не преподается в колледже. – Ее взгляд остановился на убогом доме, в котором молодой светловолосый мужчина жил со своей склонной к суициду дочерью. Изобель сделала глубокий вдох, прежде чем отвернуться и слабо улыбнуться мне. – Ты всегда хотела изучать историю?

– Боже, нет. На самом деле я до сих пор не хочу этого делать.

– Но делаешь.

– Это было спонтанное решение. – Я вздохнула. – В Германии мне предстояло заниматься молекулярной генетикой. Это была моя мечта. Здесь, в колледже Тихого Ручья, были места только на историю. Пришлось решать: заниматься карьерой мечты или следовать корням. – Дикий порыв ветра заставил мою юбку развеяться. Я обхватила руками торс. – Последнее перевесило.

– Понимаю. – В голосе Изобель прозвучала грустная нота. – Но это было правильное решение. Вот увидишь.

– Я... я не уверена.

Некоторое время мы гуляли по утесам, и я старалась не заглядывать в глубину, пока Изобель не разразилась внезапным смехом.

– Что?

Она покачала головой.

– История. Это так...

– Да, знаю. – Я закатила глаза. – Я была в отчаянии, когда приняла это решение. Я бы даже попыталась счастье в качестве долбаного ковбоя в Хайленде, если бы это позволило мне приехать сюда.

Уголки рта Изобель дернулись.

– Это абсурдно, Хелена. Настолько абсурдно, что я даже представить себе это не могу. И поверь мне, – она подняла брови, – мое воображение работает очень и очень хорошо.

Я улыбнулась.

– Ну, ковбойские сапоги стоили бы того.

– Для ковбоев – да. Если бы, конечно, они были здесь. Разве что кто-то, кто присматривает за бизонами.

В тот момент, когда я громко рассмеялась, дверь нашего коттеджа распахнулась. Она с грохотом ударилась о фасад, и единственной причиной, по которой не захлопнулась обратно на замок, был мой дед. Он встал передо мной, свирепый и мрачный.

– Время уже после захода солнца, юная леди.

– Привет, Натаниэль, – произнесла Изобель. Его голова дернулась в ее сторону. Изобель вздернула подбородок. – Я сопровождала Хелену. В это время она не должна бродить по городу одна.

– Да что ты говоришь? – усмехнулся он.

– Я взрослая. – Мой взгляд метался между Изобель и дедом. – В двадцать уже можно выходить на улицу по вечерам одной, верно?

Изобель подняла бровь.

– Разве?

Я была озадачена.

– Ты издеваешься?

– Нет.

– Я взрослая, – повторила я решительно. – И могу делать все, что захочу.

– Что ж. – На лице Изобель появилось серьезное выражение. Вся легкость и шутливость куда-то испарились. – Но тогда не произошло бы того, что случилось на Кривом проспекте. Не так ли, Хелена?

Ее предположение застало меня врасплох.

– Откуда ты знаешь...

– Что случилось на Кривом проспекте? – Резкий тон деда контрастировал с тем Натаниэлем Иверсеном, с которым я познакомилась утром. Когда Изобель замолчала, он бросился вперед с такой скоростью, что я даже вздрогнула. Дед вплотную приблизился к моей новой подруге. Его лоб почти касался ее лба, он выплевывал слова с такой силой, что его подбородок задрожал.

– *Что случилось на Кривом проспекте, Изобель Андерсон?*

Она не сдвинулась ни на миллиметр. Даже не отступила.

– Хелена стоит рядом с тобой. – В ее тоне не было никакой непринужденности. Теперь слова Изобель звучали бесстрастно и жестко. – Если ты хочешь знать, перестань прятать ее, словно ее не существует. – Изобель сделала короткую паузу. – Ты уже совершал эту ошибку раньше. Не будь таким глупцом, чтобы повторять это снова.

Ее слова заставили моего деда побледнеть. Его авторитет только что пошатнулся. Внезапно я снова узнала Натаниэля, которого встретила сегодня утром: тощего старика в потрепанном свитере, который не мог показаться еще более сломленным и слабым.

Движение Изобель, когда она повернулась ко мне, было полным изящества и элегантности. Блестящие пряди упали на ее плечо. Внезапно лицо Изобель снова просияло в улыбке.

– До завтра, Хелена.

На этой ноте она ушла. Я осталась наедине со своим дедом, и я не имела ни малейшего представления о том, что он думал обо мне. Натаниэль медленно наклонился. Я никак не могла понять взгляд, который он бросил в мою сторону. Я смотрела на него, не уверенная в том, что скрывалось за этим мрачным видом, каким человеком он был на самом деле. Тем не менее у меня не получалось его раскусить.

И в эту секунду меня впервые охватило чувство, что Натаниэль Иверсен уже сам давно забыл, кто он такой.

Тираэль

Были дни, когда я сомневался, есть ли у меня сердце. В ту секунду я понял, что мне больше никогда не придется задавать себе этот вопрос. Увидев лицо Джейме, я осознал, что в моей груди что-то бьется, и изо всех сил старался не разрыдаться.

Ее широко раскрытые глаза были словно холст. Красные линии – лопнувшие вены, широкие зрачки – темная дыра, в которую их насильно затащили; пытки, нарисованные на чистой белой бумаге. Как ангел, она лежала на простынях в ночной рубашке, раскинув руки и ноги, неподвижная, неспособная пошевелиться, потому что...

След от вспыхнувшего пламени очертил ее тело. Одно движение, и Джейме обожглась бы. Но вид огня не был причиной того, из-за чего у меня защемило в груди. В пожаре не было ничего тревожного. Нет, то, что сдавило мне горло, было ее сердцем.

Продолговатый разрез на ткани ее ночной рубашки с высокой талией обнажал светлую кожу Джейме. Место, где скрывалось ее сердце, представляло собой узор из пурпурных линий, одни из которых были слабыми и нечеткими, а другие – резко выделяющимися. Под этой отвратительной паутиной вен, по которым текла ее драгоценная кровь, билось сердце Джейме.

Стремительно. Так громко, что звук эхом разносился по комнате. Настолько сильно, что при каждом ударе орган выступал из-под кожи.

Дело рук неестественного вмешательства, которое было не из этого мира. Всего в миллиметрах над телом Джейме зависли руки темного. Его пальцы двигались, как будто он тянул за воображаемую веревку. Чудовищное напряжение красовалось на его черепообразном лице. Позади темного, на полу перед книжной полкой Джейме, лежал мальчик. Его тощий торс был обнажен, а сердце билось так же сильно, как и у сестры, но медленнее. Я знал, что здесь происходило. И, клянусь богами, это знание убивало меня.

– Убери от нее свои грязные пальцы, пока я не отрезал их и не засунул в твою гребаную задницу!

Напавший на Джейме поднял глаза. Его губы расплылись в безумной усмешке. Когда он говорил, то подчеркивал каждое слово провокационной интонацией. Шепот темного воина отчетливо прозвучал в тишине, прерываемый лишь искусственными ударами сердца.

– *Тогда. Заставь. Меня.*

Я нащупал свою стихию и попытался установить связь с молекулами воды – безуспешно. Поблизости не было источника, к которому я мог бы прикоснуться. Я попытался снова. Здесь должно быть хоть что-то: слезы, пот или едва ощутимые молекулы воды в дневном креме Джейме... Верно?

Моя концентрация была нарушена, когда на меня обрушилось пламя. Меня окутала обжигающая волна жара. Я был настолько поглощен своим безумным желанием почувствовать покалывание найденных частиц воды, что понял, что не успею отреагировать достаточно быстро. Моя кожа ожидала пожирающего пламени. Вместо этого я почувствовал резкий прохладный сквозняк, который резанул мне щеку. Он ударил по огню и задул его в противоположном направлении. Огонь оказался направлен против собственного хозяина. От удивления тот вытаращил глаза. Ему едва удалось уклониться в сторону. С огромной силой пламя вырвалось из окна Джейме. Пошел дождь из сверкающих осколков, которые сыпались на землю, словно измельченный порошок.

Эмиль бросил на меня косой взгляд. Он вытянул руки, чтобы направить свой порыв в сторону нападавшего, удерживая его на земле.

– Как же тебе повезло, что я такой псих.

– Позаботься о нем.

Я метался по комнате. Обмякшая, словно тряпичная кукла, Джейме лежала на своем матрасе. Ее шелковистые каштановые волосы разметались по подушкам. Затаив дыхание, я приложил руку к ее щеке. Она была ледяной.

– Очнись, пожалуйста, очнись. Посмотри на меня, скажи что-нибудь, давай, Джейме, давай!

Никакой реакции. Я провел ладонью по своему лицу, прежде чем взять ее под руки. Но внезапно Эмиль издал сдавленный крик. У меня закружилась голова. Руки Эмиля обмякли. Порыв ветра рассеялся, когда его колени с глухим стуком ударились о деревянный пол. Он прижал руки к животу, а его изящные черты лица исказились. Верхняя часть тела Эмиля напряглась. Он открыл рот, и его внезапно вырвало. Он кашлял, задышался и давился.

Напавший на него темный воин рассмеялся. Он присел на корточки перед Эмилем, положил указательный палец под его подбородок и приподнял ему голову. Темный щелкнул языком, обнажив заостренные зубы, испещренные ядовито-зелеными пятнами.

– Неприятно, не так ли?

Эмиль попытался отстраниться. Нападавший в ответ коротко дернул челюстью, и Эмиль издал сдавленный звук. Он прижал руки к животу. Эмиль дрожал всем телом. Закон предписывал помогать своему напарнику. Но Джейме была невинна и бессильна. Мне не удалось разорвать связь между ее сердцем и сердцем мальчика. Я должен был использовать то время, которое у меня было.

– О, ну-ну, не будь таким брезгливым. Все может стать намного хуже. – Противник Эмиля провел по линии его челюсти покрытым коркой грязи ногтем. – Будет весело, ладно?

Повисла напряженная тишина. В стремительном темпе я пробормотал слова, которые, как я надеялся, могли бы снять проклятие. Воздух над сердцем Джейме завибрировал. Мощная стена сопротивлялась падению заклинания.

– Ти! – Голос Эмиля звучал выше, чем обычно. – Помоги мне! – Я прикусил внутреннюю сторону щеки, заставляя себя не прерывать ответное заклинание. Однако что-то здесь было не так. Я пробормотал слова, которые знал, и в то же время не сделал этого. Как будто они были мне незнакомы. *Как такое было возможно?*

Что бы ни случилось, это сработало. Сильный толчок пронзил меня, когда невидимая связь между Джейме и мальчиком разорвалась. Сразу же ее сердце прекратило неестественно заметные удары, просто пульсировало глубоко внутри. Однако сейчас оно спокойное, слабое и...

– Vljersk, Ти, пошел ты, ты... – Эмиль прервался. Он тяжело задышал, прежде чем подавить крик.

Я обернулся. Мой напарник сидел на корточках посреди желтой лужи.

Темный воин запрокинул голову и звонко рассмеялся. От его ледяного тона по моей спине пробежал холодок.

– Какое удовольствие было пообщаться с твоим мочевым пузырем, мой друг. Он поведал мне, что тебе нужно срочно облегчиться, поэтому я оказал услугу. Скажи мне: каково это, когда твоя собственная моча прилипает к ногам? Мокро, да? Эти кожаные штанишки не натирают?

– Расскажи-ка мне, – рявкнул я, поднимая Джейме на руки и поворачиваясь к нашему противнику, – каково это – гадить в штаны перед своими врагами?

Я нащупал силу, оживил ее и сфокусировал на его теле. В эту секунду, когда я пребывал в истощающем силы транс, мои глаза обладали рентгеновским зрением. Оболочка темного стала прозрачной. Не зная этого, он открыл мне вид на его скелет, мышцы и нервную систему. Я знал, что такая атака истощит большую часть моей энергии, но это необходимо. Эмиль был не из тех, кого можно выставить в унижительном свете прямо у меня на глазах.

Воздух вокруг нас начал мерцать. Когда вся мощь моих сил обрушилась на противника и он почувствовал, как я стимулирую его нервные окончания и мышцы, его черные глаза рас-

ширились. Рука темного дернулась к огню на кровати Джейме, чтобы направить его против меня, но Эмиль оказался быстрее. Он выпрямился и пнул его по руке. Отвратительный треск наполнил комнату, прежде чем наш противник издал пронзительный вопль и рухнул на пол. В ту секунду, когда он принял позу эмбриона и обхватил свою руку, я почувствовал, как мышцы противника ослабевают под моей властью. И вот он остался лежать там, скуля, в своих экскрементах. Нелепая куча страданий.

Я шагнул вперед и посмотрел на него сверху вниз.

– Единственная причина, по которой я позволил тебе сегодня выжить, – это твоя психическая попытка защитить мальчишку. В противном случае, клянусь, я разорвал бы тебя на куски и отправил на съедение моему геральчиро.

Я нехотя отвернулся от скулящего подонка. Если бы я посмотрел на него хотя бы на секунду дольше, ничто не смогло бы меня удержать. Я должен был убираться отсюда. Немедленно.

Я повернулся к Эмилю. Его бронзовый, тусклый цвет лица исчез; осталась болезненная кожа и красновато-серые тени под раскосыми глазами.

– Родители Джейме на этих выходных находятся на острове Скай. – Я протянул ему руку, чтобы помочь подняться. – Возьми из шкафа брюки ее отца.

Эмиль раздул ноздри. Черты его лица выглядели перекошенными. Я знал это выражение. Оно появлялось до того, как мы бросались в драку. Только на сей раз этот взгляд был направлен не на врага. Он плюнул мне под ноги.

– Катись к черту, Бернетт.

– Ты же знаешь, что у меня не было другого выбора.

– У человека всегда есть выбор. – Его подбородок указал на Джейме, которая все еще безвольно висела у меня на руках. – Отведи ее к Ансарам. Остальную часть охоты я беру на себя. – Он издал разочарованный смешок. – Выражаясь твоими словами: *ты мне не нужен*.

Я не стал возражать и вместо этого подождал, пока он подойдет к двери.

– *Se ka zterak*, Эмиль.

Он выдержал паузу.

– *Se ka zterak*, Тираэль.

Мрачный взгляд. А потом он ушел.

* * *

Ноги несли меня через ночной Тихий Ручей. Небо мрачно взирало на меня; полуночные синие чернила заливали улицы. Я избегал порта, пробирался переулками и использовал короткие пути. Я был начеку от каждого звука, каким бы незначительным он ни был.

Прохладный воздух вызвал мурашки на ногах Джейме. Мне следовало подумать о том, чтобы закутать ее в одеяло. Лунный свет освещал пересохшие от крика губы, потрескавшиеся уголки рта и темные тени, которые спрятались под линией густых ресниц. Я подключил свой внутренний источник к ее опорно-двигательному аппарату. Пульс Джейме был слишком медленным.

– Останься со мной, Джейме, – умолял я. Бесшумно я покинул переулок. Мы оказались на рыночной площади. Своим человеческим глазом статуя богини мертвых Морриган смотрела на меня сверху вниз. Я мрачно ответил на ее взгляд.

– Это не моя вина. – Я прошел мимо нее и крепче прижал Джейме к себе. – И если ты заберешь ее в Тир-на-Ног, я никогда тебе этого не прощу.

Навстречу мне дул сильный сквозняк. Непривычно для этого времени, когда обычно здесь гуляет слабый ночной ветерок. Казалось, будто что-то царапает кожу головы, но я понимал, что это был просто песок. Потребовалось всего мгновение, чтобы это прекратилось.

Ансгары жили на окраине города. За их поселком, состоящим из коттеджей и остроко-
нечных башен, – сосны Мертвых лесов. Между ними протекала Тихая река в форме змеи,
разделяющая территории. Через нее вел каменный арочный мост. Асфальт под моими ногами
сменился плотно утрамбованной землей, а затем превратился во влажный мох. Меня встре-
тили свежие ноты земляного аромата и смягчили мои шаги.

Еще до того, как я добрался до коттеджа с волнистой крышей и глинобитными стенами,
выкрашенными в спокойные терракотовые тона, дверь распахнулась. Ко мне поспешила длин-
ноногая женщина в розовом спортивном костюме, который не одобрили бы все боги. Ветер
сдул с ее лба темную челку, которая обычно падала на глаза. Серебряное кольцо в носу жен-
щины отражало лунный свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.